
РОБЕРТ РАЙАН
ПУСТЬ МЕРТВЕЦЫ ПОДОЖДУТ
ПРИКЛЮЧЕНИЯ ДОКТОРА ВАТСОНА

Проект Шерлок

Роберт Райан

Пусть мертвецы подождут

«АСТ»
2014

УДК 821.111
ББК 84(4Вел)

Райан Р.

Пусть мертвецы подождут / Р. Райан — «АСТ», 2014 — (Проект Шерлок)

Доктор Ватсон возвращается с фронта домой. Воспоминания о боях во Фландрии до сих пор не отпускают его, и теперь он занимается реабилитацией солдат, страдающих от контузии. Но вдали от окопов и сражений, посреди сельской идиллии, его уже ждет нечто страшное и таинственное. Там инженеры разрабатывают прототип оружия будущего, призванного переломить ход войны в пользу Великобритании. Но во время одного из испытаний происходит катастрофа. При странных обстоятельствах гибнут семь солдат, а единственный человек, выживший после инцидента, почему-то теряет дар речи. И тогда Уинстон Черчилль, председатель Комиссии, ответственной за секретный проект, поручает Джону Ватсону выяснить причину трагедии. Доктор не хочет участвовать в политических интригах, но под давлением властей соглашается, когда узнаёт, что это дело связано с судьбой его лучшего друга, Шерлока Холмса. Ватсон понимает, что не может никому доверять, но вскоре оказывается, что полагаться нельзя даже на свой рассудок, ведь все погибшие незадолго до смерти сошли с ума.

УДК 821.111
ББК 84(4Вел)

© Райан Р., 2014
© АСТ, 2014

Содержание

Пролог 7
Часть первая 9
Один 9
Два 12
Три 16
Четыре 21
Часть вторая 25
Пять 25
Шесть 27
Семь 34
Восемь 39
Девять 43
Десять 46
Одиннадцать 49
Двенадцать 54
Тринадцать 56
Четырнадцать 60
Пятнадцать 67
Шестнадцать 73
Конец ознакомительного фрагмента. 74

Роберт Райан
Пусть мертвецы подождут

Robert Ryan
The DEAD CAN WAIT

First published in the English language by Simon & Schuster UK Ltd, England
Печатается с разрешения автора, издательства Simon & Schuster UK Ltd и литературного агентства Prava I Prevodi International Literary Agency

© 2014 by Robert Ryan
© Наталия Осояну, перевод, 2016
© Марина Акинина, иллюстрация, 2016
© ООО «Издательство АСТ», 2017

* * *

Посвящается Джине и её крёстной матери Кристин

Taten statt Worte,
Zähne statt Tränen.

Поступки – не слова,
Зубы – не слёзы.

Девиз Sie Wölfe,
особого военно-морского подразделения
1916–1917

– Что сегодня, – спросил я, – морфий или кокаин?

Холмс лениво отвел глаза от старой книги с готическим шрифтом.

– Кокаин, – ответил он. – Семипроцентный. Хотите попробовать?

Сэр Артур Конан Дойл. Знак четырёх[1]

[1] Пер. М. Д. Литвиновой.

Пролог

Дежурные пронесли шесть тел вниз по ступенькам осевшего ле́дника, который наполовину скрылся под землёй величественного суффолкского поместья. Командующий «особым» подразделением, выселившим хозяина и его свиту из Холла, стоял у подножия лестницы, наблюдая за тем, как дежурные тащат коченеющие трупы и, пыхтя от натуги, укладывают мертвецов на каменные плиты. Каждый покойник был плотно обёрнут в вощёную палаточную подстилку. «Выглядят как мумии на современный лад», – мрачно подумал полковник.

Он закурил сигарету. Дым должен был помочь замаскировать витавший вокруг запах разложения. Не от шести трупов – эти бедолаги умерли всего несколько часов назад, – но от самого ледника, часть которого также выполняла в имении роль хранилища, где в годы, предшествовавшие началу войны, развешивали подстреленных на охоте оленей, куропаток и фазанов. Нотка гнили, резкая и стойкая, портила воздух.

Приближалась середина лета, и полковник не хотел, чтобы мертвецы усилили эту вонь, прежде чем их как следует осмотрят. Потому он и приказал дежурным переместить их в самый холодный угол подземного помещения. «Но на предмет чего их осматривать?»

Полковник попытался сохранить невозмутимое и бесстрастное лицо, пока дежурные поправляли ряд трупов так, чтобы ноги были абсолютно параллельны, словно происходило что-то вроде конкурса «Лучшая укладка покойников». Однако внутри у него как будто шевелился клубок угрей. Ему доверили секретный проект, предназначенный для того, чтобы поскорее завершить войну – с ней надлежало покончить к Рождеству 1916 года – и обратить окопные ужасы вместе с бойней на Сомме в жуткие, но тускнеющие воспоминания. Но снаружи, на землях имения, перед генералами, политиками и даже младшими, чёрт бы их побрал, членами королевской семьи произошло… вот это. Шестеро умерли, ещё двое превратились в бормочущих чушь безумцев.

О, всё сумели прикрыть так быстро и гладко, как только было возможно, отложив испытание «по техническим причинам», и тела вынесли только после того, как на зрительных трибунах не осталось ни одного высокопоставленного гостя. Но всё-таки случившееся представляло собой одновременно внезапное затруднение и серьёзный регресс. «А для шестерых мёртвых членов британских пулемётных войск[2] всё пошло и вовсе хуже некуда», – напомнил он себе. Что, чёрт побери, он скажет близким родственникам? Приправленного обычными избитыми фразами заявления о том, что эти солдаты «погибли за короля и страну», должно хватить.

Теперь работа полковника заключалась в том, чтобы удержать инцидент в тайне, докопаться до причины смертей прежде, чем кто-то решит прекратить тратить деньги – и людей – впустую. Нужно любой ценой спасать проект. Полковник отпустил дежурных, предупредив их под угрозой серьёзнейшего из наказаний, какие были в его власти, что рассказывать или обсуждать увиденное не следует. Ссылка, тюрьма и позор ожидали тех, кто предаст его доверие.

Ещё несколько минут полковник продолжал курить, глядя сверху вниз на трупы в «саванах». В свете мерцающих масляных ламп палаточные подстилки поблескивали, обретая болезненный желтовато-зелёный цвет. Он чувствовал себя под стать этому цвету. Во рту ощущался привкус желчи. Полковник бросил остатки сигареты на каменные плиты и разда-

[2] *Британские пулемётные войска* – особое подразделение британской армии, существовавшее в период 1915–1922 гг. – *Здесь и далее примеч. пер.*

вил носком ботинка. Он делал это намного дольше, чем требовалось, чтобы затушить окурок.

Кто-то вежливо кашлянул позади, и полковник повернулся, спрашивая себя, как давно он тут не один. Это оказался приписанный к подразделению офицер разведки, чей юношеский лоб проре́зала глубокая морщина.

– Да? – спросил полковник.

– Трентон только что скончался, – сказал молодой человек.

«Выходит, их семеро».

Семеро мёртвых солдат за один день. «И вот один, несчастный, одинокий…»[3] Полковник пробормотал особо непристойное ругательство.

– Перенесите его сюда как можно быстрее. Кто был с ним?

– Новая медсестра.

– Что ж, позаботьтесь о том, чтобы она держала рот на замке. Давайте всё проясним: я не хочу, чтобы о случившемся узнал кто-то помимо членов главного комитета, пока мы не разберёмся, что стоит за этим. Я не собираюсь впустую выбросить два года работы из-за несчастного… – Полковник посмотрел на трупы и содрогнулся. Вечный холод ледника пробирал до костей. – …Случая, – договорил он.

– Но как же мы узнаем, что там произошло? – спросил офицер разведки, глянув через плечо.

– Мы можем лишь надеяться, что выживший заговорит. – Оставшийся солдат в меньшей степени подвергся загадочному недугу, который поразил всех восьмерых. Он всего лишь впал в беспамятство. – Его имя Хичкок, верно? – уточнил полковник.

Юноша кивнул.

– А если он не заговорит?

Полковник немного подумал:

– Тогда мы найдём того, кто его заставит.

[3] «И вот один, несчастный, одинокий…» – полковник вспоминает детский стишок про десятерых маленьких солдатиков (индейцев, негритят), обретший широкую известность благодаря роману Агаты Кристи «Десять негритят» («И никого не стало»). Цитируется по классическому переводу Л. Г. Беспаловой.

Часть первая
10–29 июля 1916 года

Один

Звон был ледяной иглой, вонзившейся в самое сердце. При первых же нотах тело сотрясла дрожь, а сердце заколотилось как у грызуна; кожа начала зудеть от пота, который каплями выступил на лбу и увлажнил ладони. Слепая паника едва не одолела его, пока звон нарастал, а потом резко прекратился. Последовавшая за этим зловещая тишина каким-то образом показалась ещё более грозной.

«Газовая атака».

Пора надеть противогаз. Майор медицинской службы сухопутных войск Великобритании Джон Х. Ватсон шагнул в сторону от юноши, которому оказывал помощь в полковом медицинском пункте, и заглянул под стол на козлах. Его сумки с противогазом там не было. Он слишком часто об эту сумку спотыкался. Ватсон вспомнил, что повесил её снаружи, на стене траншеи. Если атака настоящая, противогаз ему потребуется.

Опять раздался предупреждающий звон, явно более тревожный, чем до этого. Ватсон услышал, как старшина роты орёт: «Газ! Газ! Газ! Ну же, парни, пошевеливайтесь, если хотите, чтобы ваши лёгкие остались внутри, где им и положено быть».

В блиндаже было всего два пациента, и одному из них не требовался противогаз. Он испустил дух. Дежурный санитар из МССВ, который готовил тело к погребению, возился с собственным респиратором из резины и холста.

– Дежурный, когда закончите, наденьте противогаз и на этого человека! – крикнул Ватсон. – Он должен быть там же, где его винтовка. Я пойду разыщу свою торбу.

Ватсон вышел из медпункта с низким потолком и поскользнулся на дощатом настиле, обветшалом и покрытом вязкой грязью. Перед ним, на противоположной стороне траншеи, была ниша, где в опорные балки вбили металлические крючки, соорудив примитивный гардероб под открытым небом. На крючках висел пёстрый набор накидок, касок, шлемов и плащей, но противогазов там не было.

Кто-то врезался в Ватсона, и он развернулся, едва умудрившись сохранить равновесие. Мужчина, лейтенант, из-за очистителя воздуха казавшийся пучеглазым, извинился приглушённым голосом и жестами показал, что Ватсону следует защитить лицо. Младший офицер указал вверх, на утреннее бледно-голубое небо. Точно коварный туман, первые завитки серовато-зелёного газа ползли над бруствером из мешков с песком. Ватсон почувствовал покалывание и жжение в глазах.

«Только не это. Неужели опять хлорный газ?»

Было слишком поздно бежать по траншеям в надежде на лишний противогаз, так что он повернулся к медпункту, где можно было отыскать хоть какое-то убежище. В тот же миг его левая нога соскользнула с дощатого настила. Она погрузилась в густую и мерзкую окопную грязь – клейкую массу, которая гноилась вот уже почти два года. Нога Ватсона крепко увязла по самую лодыжку.

Майор издал грубое ругательство – дурная привычка, подцепленная у сослуживцев. Попытался высвободить ногу, но хватка трясины лишь сделалась крепче, и его засосало глубже в болото. Придётся пожертвовать ботинком, дорогим «Тренч Мастер», десять гиней за пару. «Не тревожься об этом сейчас. Тяни!» Однако вязкая грязь сдавливала так сильно,

что Ватсон даже пальцами на ноге пошевелить не мог. Он ухватил себя за колено и дёрнул, но безуспешно. Жадная топь, забравшая стольких людей, не отпускала его.

Газ уже катился вниз по склону траншеи тягучим и злобным облаком. Сигнал тревоги зазвучал опять, на этот раз не стихая. Наступление продолжалось. По всему фронту к сигналу присоединилась какофония сирен, гудков, свистков и трещоток. «Не хочу здесь умирать, только не таким способом». Но майор уже цеплялся за стену и видел, как чёрная жижа ползёт всё выше по захваченной ноге, а его пальцы, отчаянно искавшие опору, оставляли борозды на гнилых досках.

Майор озирался в поисках помощи, но все здравомыслящие солдаты прятались.

– Помогите! – заорал он. Ответом было лишь шипение подплывающего яда, казавшееся злобным. Ватсон закрыл глаза, задержал дыхание и стал ждать, когда туман сделает с ним худшее.

– Майор Ватсон!

Резкие интонации знакомого и отчётливого женского голоса вырвали Ватсона из забытья. Он открыл глаза. Перед ним было покрытое сажей окно хирургической комнаты, за которым простиралась улица Королевы Анны, чьи очертания скрадывал туман, зловеще нагрянувший не в сезон и превративший уличное движение в процессию призрачных силуэтов. Ватсон был не на фронте. Он несколько месяцев не видел траншеи, не дышал их воздухом. Грязь больше не была его постоянным спутником и упрямым врагом. Случился очередной сон наяву вроде тех, что преследовали его с самого возвращения из Франции.

Он повернулся к миссис Хоббс – домоправительнице, которая с лицом ещё более чопорным, чем стянутые в пучок волосы, стояла у двери, ведущей в холл.

– Майор Ватсон, вы разве не слышали телефон?

«Телефон». Не сигнал о газовой атаке.

Она указала себе за спину, на аппарат, который располагался на специальном ореховом телефонном столике от «Хилс»[4]. Миссис Хоббс настояла на том, что этот предмет обстановки был единственным подходящим пьедесталом для нового приспособления. Не то чтобы ей нравилось им пользоваться: они с Ватсоном договорились, что трубку обычно он будет снимать сам.

– Нет, не слышал. Приношу свои извинения, миссис Хоббс. Кто это был?

– Мистер Холмс. – Она произнесла это с нарочито бесстрастным видом.

«Что, опять?» Ватсон посмотрел на стенные часы. Было три часа пополудни, и Холмс уже звонил ему четыре – возможно, пять – раз, в каждом случае повторяя какие-нибудь тривиальные новости о том, что в его коттедже установили новую цистерну для воды или что-то в этом духе. Ватсон вынужден был признать, к своему стыду и огорчению, что у него вошло в привычку клевать носом, пока друг болтает о такой незначительной чепухе. В особенности если дело касалось пчёл.

– Он ещё на линии? – спросил Ватсон.

– Полагаю, да. Он сказал, это важно. У него был взволнованный голос, сэр.

Каждый раз речь шла о чём-то важном. И он всегда был взволнован. Ватсон выглянул наружу, на лениво клубившуюся стену тумана, и фантомный запах хлора всё ещё щипал ему ноздри. В эти дни чувствам уже не следовало доверять. Увы, не следовало и полагаться на то, что его старый компаньон скажет что-то вразумительное.

– Будьте так любезны, передайте ему, что у меня пациент.

Мисс Хоббс поджала губы при мысли о том, что ей предстоит изречь неправду, и закрыла за собой дверь.

---

[4] *«Хилс» (Heal's; Heal and Son Ltd.)* – британская фирма – производитель мебели, основанная в 1810 г.

Ватсон сел в своё кресло и выдвинул ящик, в котором была жестяная коробочка с «Таблетками доктора Хэммонда для нервов и мозга», – продавец заверил его, что они исцеляют «особые недуги», связанные с военной службой. Положил коробочку на место, не открыв, закурил и почувствовал, как приятный дым его успокаивает. Сказанное миссис Хоббс не было полной ложью. У доктора Ватсона действительно был пациент. Он сам.

Однако, пока доктор наслаждался тем, как табак согревает лёгкие, внутри него звучал тихий голосок, неотступный как барабанная дробь. Всё из-за этого телефонного звонка от Холмса. Всё из-за детектива на пенсии, который кричал «Волк!».

«Что, если однажды и впрямь случится что-то важное?»

Два

Мисс Нора Пиллбоди проехала на велосипеде добрых две мили по суффолкской сельской местности, прежде чем в точности поняла, что её гложет.

День начался с обычного для школьной поры утра. Позавтракав овсянкой, она загрузила в корзину работы, которые накануне вечером оценила и исправила, и выехала из своего коттеджа с достаточным запасом времени, чтобы заполнить журнал. Как обычно, она спрашивала себя, какие услышит оправдания тому, что в классе не хватает учеников: «Имярек отсутствует, мисс, потому что должен помогать стричь овец / косить сено / спиливать рога телятам / поливать картофель». В селе вечно происходили какие-то события, которые оказывались важнее простой учёбы.

Выехав из узкой дорожки, тупиковый конец которой упирался в её коттедж, мисс Пиллбоди направилась мимо фермы Сирила Джеффорда, описав длинную и неспешную петлю, обогнула лес Маршем с его робкой стайкой косуль, а потом свернула на старую тропу гуртовщиков, пересекавшую участок Морлендов. Это позволяло уменьшить дорогу на полмили, пусть тропа и была тряская, иссушенная ранним летним солнцем. У Морлендов было восемь детей, включая троих учеников из её школьного класса. Двое старших мальчиков уже служили в армии, а один недавно достиг призывного возраста, так что времена для семьи наступили тревожные.

Мисс Пиллбоди, пригнувшись, проехала через беспокойные пуантилистические облака мошкары, преграждавшие ей путь, и уделила время, чтобы полюбоваться промелькнувшей мимо переливчато-зелёной стрекозой, а также бабочкой-адмиралом, согревавшей раскрытые крылья на столбе ограды. Над полем кукурузы выжидающе завис ястреб-перепелятник, пронзительным взглядом высматривая возможную добычу.

В нескольких сотнях ярдов от низкого школьного здания, построенного из кремня, она вдруг осознала, чего не хватало во время всей утренней поездки. Детей. Их не было совсем. Её уши переполняли трели жаворонков и более грубые каденции неугомонных ворон, которым вторили поскрипывание и потрескивание пшеницы и жужжание пролетающих пчёл, но не обычный гомон учеников, направляющихся в школу.

Ей не пришлось останавливаться и говорить Фредди Коксу, чтобы перестал щёлкать Бена Стоуна по уху, или убеждать Сиднея Дрейтона, бедолагу с заячьей губой, спуститься с дерева, где он в своё удовольствие предавался любимому занятию: подмечал и записывал, как взлетают и садятся аэропланы на лётном поле КЛК[5]. Или поторопить сестёр Брентон – трёх поразительно блондинистых милашек с разницей в возрасте в один год, всё время под руку друг с другом, словно единый ребёнок перед всем миром. Впрочем, с таким зловредным отцом неудивительно, что им приходилось действовать сообща. А как насчёт одинокой маленькой Виктории Хэнсон, что медленно и неохотно плелась по дороге, окружённая ореолом печали, тяжело вздыхая и блестя большими глазами, вечно полными слёз?

«Куда подевались все дети?»

Внутри у мисс Пиллбоди всё сжалось, как если бы она съела что-то нехорошее, и нахлынуло ощущение, схожее с головокружением. В последний раз она такое испытала, когда пришла телеграмма об Арнольде, её брате. Мать мисс Пиллбоди передала ей коричневый конверт, однако Нора вручила его назад, не желая быть той, кто первой прочтёт новость. В конце концов они его открыли – и расплакались – вдвоём.

Арнольду было девятнадцать – на целых десять лет меньше, чем ей, – когда в него, младшего ребёнка в семье, попал снаряд из окопного миномёта. Он был, как она поняла

[5] *КЛК* – Королевский лётный корпус, существовавший в 1912–1918 годах.

намного позже, неожиданным ребёнком, но родители делали вид, что наконец-то дождались сына после трёх девочек. Люди говорили, что Нора и Арнольд очень похожи, но она не видела сходства. Скорбь, вызванная его смертью, изгнала её из Чичестера в сельский Суффолк, учить детей из имения и окружающих деревень, пытаясь вытеснить из разума войну и то, что она делала с миллионами молодых мужчин вроде Арнольда.

Отсутствовали не только дети. К этому моменту она должна была увидеть дюжину или больше людей, занятых по хозяйству. Летом миссис Доттингтон, собрав яйца в своих курятниках, всегда облокачивалась о калитку и с наслаждением подставляла лицо солнечным лучам. Старик Зулу Дженкинс, ветеран южноафриканских войн, которому было по меньшей мере девяносто, обычно трудился на поле, помогая – или частенько мешая – своему сыну Джонни. Если он был не в поле, то сидел на пеньке и курил трубку. И ещё были безымянные работники, которые приостанавливались и снимали шляпы в знак приветствия, когда она проезжала мимо.

Никого не было видно.

В школьном дворе также не оказалось детей, которые в это время обычно играли в шарики или камешки, обменивались слухами или едкими шутками. Мальчишки могли затеять спонтанную игру в футбол или крикет; девочки играли в классики или прыгали со скакалкой, произнося считалочки. Но, не считая неизвестной машины, припаркованной напротив входа, детская площадка была пуста.

Мисс Пиллбоди слезла с велосипеда, прислонила его к стене и изучила машину. Она мало что знала о различных моделях автомобилей, но даже её знаний хватало, чтобы по тускло-коричневой окраске и трафаретным надписям по бокам капота понять: происхождение у этой машины военное.

Мисс Пиллбоди развязала ленту под подбородком и сняла шляпку, перед тем как войти в маленький школьный вестибюль.

– Привет? – с сомнением спросила она. – Кто здесь?

– Входите, пожалуйста, – раздалось в ответ. Её приглашали в собственную школу. «Какая наглость!»

Она открыла дверь и вошла в классную комнату, где с предыдущего вечера на столах стояли перевёрнутые стулья, а на доске была мелом записана таблица умножения на шесть, потому что мисс Пиллбоди пообещала ученикам, что именно ею они снова займутся с утра.

В комнате было двое мужчин: один стоял рядом с доской, другой присел на край её стола. Тот, что стоял, был постарше, с почти белыми усами: капрал новых территориальных войск, чьих солдат в городах и посёлках Суффолка и Восточной Англии было великое множество. Сидевший был офицером, о чём свидетельствовали блеск его сапог и тросточка в руке. Волевая челюсть, тёмные усы; наверное, по меньшей мере на пару лет моложе её. «Хорош собой», – подумала мисс Пиллбоди, но у незнакомца было что-то жестокое в выражении рта, а в пронзительных голубых глазах светился леденящий холод. Верхняя губа чуточку тонковата для настоящего красавца, решила она, однако в целом офицер, безусловно, отличался привлекательностью. И, как она подозревала, понимал это. Он встал и прихватил свою фуражку, пока она шла через комнату.

– Мисс Пиллбоди.

Итак, ему известно её имя.

– У вас передо мной преимущество, лейтенант?..

– Бут. Лейтенант Джеймс Бут из зоны хранения взрывчатых веществ Элведен. – Он окинул Нору взглядом, от которого ей сделалось не по себе. – Должен сказать, я ожидал увидеть кого-то постарше.

Она была не в настроении для лести с оттенком флирта.

– Где мои дети, лейтенант Бут?

Улыбку сменило куда более хмурое выражение.

– Они сегодня в школу не придут, мисс Пиллбоди.

– И почему же?

– Вообще-то, – сказал он и в сомнении на миг коснулся верхней губы розовым кончиком языка, – боюсь, они не будут посещать школу в обозримом будущем.

Сквозь её разум с грохотом пронеслось множество версий – на войну отправляют детей? Какой-то карантин в связи с болезнью? Эвакуация из-за цеппелинов? Но ни одна не выглядела разумной.

– И почему же?

– Не могу сказать. Но мы расширили карантинную зону вокруг Элведена. На соответствующий период всех фермеров-арендаторов переселяют, и дети отправляются с ними.

– Период чего? – с нажимом спросила Нора. На самом деле до каникул оставалась всего неделя школьных занятий, но это был не повод смягчить своё негодование.

– Не могу сказать.

Она окинула взглядом его мундир, разыскивая полковую эмблему, но не обнаружила таковой. Разве это не странно? Нора пожалела, что не уделяла таким вопросам больше внимания.

– Откуда вы, лейтенант? Из какого полка?

Он улыбнулся, не разжимая губ, и тем самым повторил предыдущее заявление. Взгляд ледяных глаз приказывал ей не углубляться в тему.

– Детям нужно учиться, знаете ли. Довольно многие из них по-прежнему не умеют читать и писать…

– Всё это учтено. Там, куда они отправляются, за ними как следует присмотрят.

– И куда же? Нет, не говорите. Вы не можете сказать. – Она чувствовала, как внутри подымается гнев – такой же, что вскипал, когда приходилось иметь дело с местными, которые говорили, что их юная дочь выйдет замуж в шестнадцать и станет фермерской женой, так что не нужно ей продолжать учёбу в школе. – У вас нет права так поступать…

– Вообще-то есть, – сказал Бут с внезапной резкостью. Он сунул руку в верхний карман и достал сложенный лист бумаги. – У меня есть все права согласно закону о защите королевства[6]. Вы на самом-то деле живёте в непосредственной близости от новой запретной зоны, так что можете остаться в своём коттедже, но после сегодняшнего дня вам запрещено появляться где бы то ни было в имении до дальнейших распоряжений.

– Но…

– А если вы заявитесь в имение, упомянете что-либо о случившемся сегодня или заговорите с любым местным жителем об этом или каком-нибудь последующем событии, вас ожидает уголовное преследование в соответствии с настоящим законом. – Он развернул лист и грозно встряхнул им. – Жаль, что не удалось перехватить вас до того, как вы сюда приехали, но было очень много дел. Полагаю, сейчас вам следует вернуться в коттедж. Вы, разумеется, получите финансовую компенсацию за потерю заработка. Возможно, вам стоило бы уехать к родителям в Чичестер. Уверен, вы можете повстречать молодого человека, который не захочет с вами расставаться.

Она пришла в ярость от грубого замечания и от того, что он сунул нос в её прошлое.

– В жизни есть более важные вещи, чем встреча с молодым человеком.

Бут вскинул бровь.

– И я не могу подать апелляцию?

– Боюсь, нет. – Лейтенант надел фуражку. Разговор был окончен.

Он жестом указал шофёру, что они уезжают.

---

[6] Закон о защите королевства (Defence of the Realm Act, DORA) был принят 8 августа 1914 года.

– Нет худа без добра, мисс Пиллбоди. У вас чуть раньше начались каникулы.

Нора не нашлась с ответом, хотя ей хотелось топнуть ногой и заорать на него.

– Ладно. Однако я собиралась устроить здесь летние занятия живописью…

– Отменены, – отрезал Бут.

– А если мне позже понадобится что-то забрать из школы?

Лейтенант и капрал обменялись взглядами. Когда Бут снова посмотрел на мисс Пиллбоди, она почувствовала ледяное прикосновение к затылку, от которого волоски на шее встали дыбом.

– Я бы позаботился о том, чтобы всё забрать сегодня. Если вы сюда вернётесь, мисс Пиллбоди, вас застрелят на месте.

Три

Редактор вытаращил глаза, когда увидел, кто стоит перед ним. На его крик «Следующий!» в кабинет решительным шагом вошла примечательная персона: рыжеволосая женщина в кожаной одежде, словно собравшаяся штурмовать крутой подъём в Ла-Тюрби. На её лице – довольно привлекательном, но, как показалось редактору, сморщенном от усталости – красовались обрисованные пылью очертания защитных очков. Она точно приехала в редакцию «Мотоциклетной газеты» на мотоцикле.

Женщина сняла перчатки и протянула руку:

– Миссис Джорджина Грегсон.

Редактор её пожал:

– Дэниел Сэмсон.

– Правда?

Сэмсону было за сорок, он быстро лысел, глаза у него слезились, а зубы выпирали. Он ничуть не походил на мотоциклиста с худым и длинным лицом, чей портрет обычно сопровождал его публикации. Это едва ли было удивительным, ведь на самом деле редактор на мотоцикле не ездил.

– Да. Правда. Чем я могу вам помочь, миссис Грегсон?

Присаживаясь, она расстегнула свой жакет и вытащила из внутреннего кармана вырезанную из «Мотоциклетной газеты» заметку.

– Мне попалось на глаза это объявление. – Она положила вырезку на промокательную бумагу перед редактором.

Он на миг задержал на заметке взгляд, а потом расхохотался.

– Что вас так развеселило? – спросила гостья.

– Вы просидели в коридоре какое-то время?

– Да.

– Значит, видели других претендентов?

Миссис Грегсон бросила взгляд через плечо, словно дверь была прозрачной. Там действительно были ещё несколько человек, ответивших на то же самое объявление, хотя, как она подозревала, мало кто из них обладал такой же квалификацией, как она сама.

– Разумеется.

– А вы ничего этакого в них не заметили, миссис Грегсон?

– Ну, у большинства слишком чистые руки.

Редактор ждал не этого ответа.

– Прошу прощения?

– У некоторых ногти слишком чистые: они за всю жизнь ни разу не прикоснулись к двигателю. У других руки просто слишком гладкие. Я подразумеваю ладони и пальцы. Ни единой мозоли между ними. Боюсь, ни одна разновидность ручного труда им не знакома. Там есть парень по имени Коллинз, я с ним переговорила. Вот он подходит. Только гляньте на костяшки его пальцев. Он знает толк во владении гаечным ключом.

– Да, на это я и намекал. Он парень. А вы нет.

– Вы ужасно наблюдательны, мистер Сэмсон, – с прохладцей ответила миссис Грегсон.

– Вакансия открыта только для мужчин.

Она указала на объявление:

– Там об этом не написано.

– Написано.

– Нет, не написано, мистер Сэмсон, – почти прорычала она.

Он схватил объявление и начал читать.

– Тут написано: «Для участия в важном военном труде мы разыскиваем лиц с навыками механиков и инженеров, желательно разбирающихся в бензиновых двигателях и мотоциклах». Видите?

Миссис Грегсон подалась вперёд:

– Нет, не вижу. Где тут написано «Только для мужчин»?

Сэмсон издал демонстративно тяжёлый вздох.

– Тут написано «лица».

– Я лицо, – сказала она. – Спросите кого угодно.

Редактор откинулся на спинку кресла. Он хотел, чтобы эта докучливая женщина исчезла. Этот тип был ему знаком. Вообще-то в издании была колонка, подписанная псевдонимом «Мотоциклетница», которую на самом деле вела леди Роуз Пенни, но это была просто подачка женщинам, которые писали в редакцию жалобы на то, что их пол недостаточно представлен на страницах «Мотоциклетной газеты». Миссис Грегсон несомненно была одной из тех, кто желал феминизировать профессию. Если дать им волю, этот вид занятий станет моторизированным ответвлением «Леди»[7].

– Ну очевидно же, что речь не о женщинах. Познания в области бензиновых двигателей…

– Я на протяжении года водила санитарный транспорт на фронте, мистер Сэмсон. Я могу разобрать «Даймлер» с той же скоростью, с какой это сделает следующий претендент. Я дважды переделывала свой «Радж»[8]. Не хотите изучить мои ногти? – Она выбросила руку вперёд.

– В этом нет необходимости, миссис Грегсон. Послушайте, я восхищаюсь тем, что вы желаете принять участие в военном труде. Но вы можете оказать большое содействие в других областях. Говорите, вы водили санитарный транспорт? Как насчёт того, чтобы сделаться медсестрой? Такая милая дама, как вы…

– С этим покончено, – рявкнула миссис Грегсон.

Она не собиралась объяснять, почему надеется больше никогда не увидеть госпитальную палату или машину скорой помощи изнутри. Как многие медицинские работники, побывавшие на фронте, она навсегда запомнила запахи и звуки. Похоже, мозг каким-то образом отправлял образы изуродованных и умирающих в какие-то тёмные углы памяти. Но внезапный громкий шум вынуждал её сердце колотиться, словно предвещая артиллерийский обстрел, и даже самый безвредный из ароматов иногда посредством загадочной алхимии превращался в резкий запах карболки и сладковатое зловоние гниющей плоти.

– Я не в силах вам помочь, миссис Грегсон.

Теперь она была разгневана:

– Но я знаю толк в двигателях, мистер Сэмсон. Я люблю мотоциклы…

– Простите. У меня связаны руки.

– Почему? Из-за моего пола?

– Он делу не помогает, – сказал редактор, и под его усами мелькнула ухмылка.

Она встала и дрожащими от едва сдерживаемой ярости пальцами застегнула свой жакет «Данхилл»[9].

– Что ж, посмотрим, не так ли? Я в точности узнаю, что требуется для этого военного труда, и приложу, чёрт побери, все возможные усилия… – Она выдержала паузу, чтобы

---

[7] *«Леди» (The Lady)* – британский дамский журнал, который выпускается с 1885 года по настоящее время.

[8] *«Радж», позднее «Радж-Уитворт» (Rudge-Whitworth),* – исторически известный британский производитель мотоциклов.

[9] *«Альфред Данхилл Лимитед» (Alfred Dunhill Ltd.)* – основанный в 1893 году британский производитель мужской одежды и аксессуаров класса люкс.

насладиться тем, как мистер Сэмсон дёрнулся, заслышав ругательство. – …Чтобы попробовать себя в этом деле.

Сказав это, она развернулась на каблуках и покинула комнату, не забыв хлопнуть дверью так, что та едва не вылетела из дверной рамы.

Сэмсон снял трубку внутреннего телефонного аппарата «Келлог» и нажал «Вызов».

– Мне послать к вам следующего? – спросила миссис Бизли на другом конце.

– Это мужчина?

– Да. Приношу свои извинения по поводу этой женщины, мистер Сэмсон. Я её предупреждала, но она была весьма… настойчива.

– Не переживайте, миссис Бизли. – Он не сомневался, что секретарша не справилась бы с этой пламенноволосой ведьмой. – Но попросите следующего претендента немного подождать, хорошо?

Он выдвинул ящик стола и достал блокнот. Быстро нашёл экстренный номер, который ему дали в правительственном департаменте, использовавшем его газету для вербовки «лиц с навыками механиков».

Сэмсон поколебался. Возможно, эта женщина просто раздувалась от собственной важности. Если она хотела внести свою лепту, всегда могла бы получить работу водителя омнибуса. Может, стоило ей это предложить. И всё же она не показалась ему похожей на бабочку, которая порхает от одного замысла к другому. Уж скорее на терьера, который обгладывает кость, пока не разгрызёт на осколки.

Он посмотрел на страницу с номером. Рука Сэмсона дрожала, когда он поспешно вносил его в блокнот, но всё-таки записанное можно было разобрать. Миссис Бизли должна была позаботиться о том, чтобы эта миссис Грегсон заполнила анкету, так что адрес претендентки остался у неё на столе. Следовательно, он сможет сообщить человеку на другом конце провода, где она живёт, если понадобится. Что тот с нею сделает? Вероятно, вселит страх Господень. Как вселил в Сэмсона.

«Сообщайте о любых подозрительных лицах, – велел редактору этот строгий человек. – Или о тех, кто может причинить неприятности». Как там он выразился? Ах да – «под страхом смерти». «Звоните нам по любым вопросам, какими бы тривиальными они ни казались, под страхом смерти». Фигура речи. Верно? Хотя полноватый коротышка, который произнёс эти слова, не выглядел и не вёл себя как тот, кто способен использовать слова легкомысленно. Мистер Гровер – так он назвался. «Слуга правительства» – вот и всё, что он счёл нужным сообщить по части сведений о себе. От простого воспоминания о его глазах, порыбьи холодных, излучающих не особенно завуалированную угрозу, у Сэмсона пересохло во рту.

На секунду редактор даже пожалел миссис Грегсон. Но инстинкт самосохранения был сильней. Сэмсон снял телефонную трубку и стал ждать оператора. Уайтхолл 0101. Как только его соединят с этим номером, миссис Грегсон перестанет быть его проблемой.

Пациент майора Ватсона сидел в конце спортзала, размещённого в крыле бывшей школы, теперь превращённой в «особое» отделение госпиталя. Доктор задержался в дверном проёме, наблюдая за солдатом, прежде чем дать знать о своём присутствии; за спиной у Ватсона в нерешительности замерла медсестра. Молодой человек, капитан, был одет в бледно-голубую больничную робу, которая выделяла его, по выражению одной из медсестёр, услышанному доктором, как «одного из придурковатых». Он сидел за столом и смотрел вниз, словно читая газету в библиотеке, но, кроме потёртостей и царапин на деревянной столешнице, глядеть было не на что. Что бы капитан ни увидел на той поверхности, рассмотреть это мог лишь он один. Правая нога молодого человека двигалась вверх-вниз точно поршень, а верхняя часть его тела была скрючена, руки скрещены на груди, ладони сжимали противо-

положные бицепсы, весь торс едва заметно раскачивался туда-сюда. И был ещё шум – горловое гудение, низкое и непрерывное, словно он пытался заблокировать какой-то другой звук.

Доктор знал из записей, что молодой капитан страдал от атаксии – неспособности двигаться, полного паралича, чью физическую причину никто не мог установить. Была ещё афазия – потеря способности говорить. Ватсон также знал, что он странным образом несёт ответственность за состояние этого парнишки.

Всего семь месяцев назад, во французских окопах, Ватсон помог капитану стать героем, и этот груз привёл юношу в «особое» подразделение Вандсвортского госпиталя, предназначенное для тех, кому война нанесла ущерб, который власти только начинали осмысливать. Диагнозы капитану ставили разнообразные, вроде «эмоционального расстройства» или «пока неустановленного (нервного) недуга». Ни то ни другое на самом деле не отражало сложности или странности симптомов, которые демонстрировал этот сломленный человек. Машинерия войны его не убила – просто перемолола в своих жутких, безжалостных шестерёнках.

Доктор повернулся к стоявшей за спиной медсестре:

– Справлюсь сам.

– Вы уверены, майор? – спросила она.

– Мы с капитаном Фэйрли старые друзья.

В этот момент больной посмотрел на него – голова капитана качнулась, поворачиваясь, словно на пружине. Фэйрли уставился через весь спортзал с поцарапанным паркетным полом на человека, стоявшего в дверях, но во взгляде не было узнавания. Ещё один знахарь, наверняка подумал он – если вообще о чём-то подумал, мысленно уточнил доктор, – со своими дурацкими вопросами, будь они неладны, и призывами взять себя в руки.

– Здравствуйте, капитан Фэйрли, – сказал Ватсон, и его голос затерялся в просторном помещении.

От пациента не было никакой реакции.

– Не возражаете, если я к вам присоединюсь?

Кожаные подошвы Ватсона стучали по полу так, словно кто-то играл на литаврах; он пересёк спортзал и подошёл к столу, где напротив солдата имелся пустой стул. Отодвинул его, попросил разрешения сесть. Ответа не было, но доктор всё равно сел. И стал ждать.

– Поздравляю с повышением, – сказал он в конце концов.

Фэйрли продолжал изучать столешницу. Когда они познакомились, Фэйрли был обычным младшим лейтенантом. Потом он спас Ватсону жизнь в ничьей земле. Хорошие новости с фронта были редкостью, так что история Фэйрли, которую все рассказывали и пересказывали, становилась всё более известной. Персиваль Филипс из «Экспресса» написал о «Невоспетом герое ничьей земли», удостоверившись, что тот не останется невоспетым, а «Рейтер» окрестил Фэйрли «Ангелом грязи». Ему вручили медаль. Не прошло и нескольких месяцев после храброго поступка, как Фэйрли стал кем-то вроде эксперта по той проклятой полосе земли между линиями фронта, его перевели в разведку и повысили. Но во время составления карты линий связи и немецких передовых траншей с Фэйрли там что-то случилось, и он превратился в эту парализованную развалину.

– Капитан, вы же меня помните, верно? – спросил доктор. – Майор Ватсон. Доктор Ватсон, как вы меня называли. Мы встретились возле Плаг-стрит[10].

[10] *Плаг-стрит* (*Plug-Street, Plugstreet;* на самом деле – *Ploegsteert*) – британское название бельгийской местности (леса и деревни), где в период Первой мировой войны происходили важные события. В настоящее время на этой территории расположено множество кладбищ и мемориальных комплексов, посвящённых павшим солдатам.

Фэйрли вздрогнул, словно под воздействием электротерапии, которую применяли к тем, кто сильнее всех пострадал от снарядного шока. Ватсон увидел в его глазах проблески жизни.

– Вы помните ту ночь?

– Да. Вы майор Ватсон, стало быть? – проговорил Фэйрли тоном, который был совсем не похож на тот, который он использовал, когда они с Ватсоном беседовали в последний раз. Тогда он говорил как культурный, образованный выпускник Винчестерского колледжа. А теперь его голос звучал… ну на шотландский лад.

– Да, капитан. На вашу долю выпало нелёгкое…

Он не успел закончить фразу. С новообретённой прытью Фэйрли прыгнул через стол, как пантера, и Ватсон под тяжестью налетевшего тела грохнулся на спину, ударившись затылком о деревянный пол. У доктора потемнело в глазах, он почувствовал вес человека на своей груди, сдавливающий лёгкие, а через секунду длинные, костлявые пальцы безумца сомкнулись на его шее.

Четыре

Слухи кружили по Лондону, как захваченная смерчем пыль. Ветер дул с особенной силой в штаб-квартире Ассоциации иностранной прессы, которая располагалась в большом городском особняке неподалёку от площади Сент-Джеймс. Брэдли Росс стоял у барной стойки АИП, под позолоченным потолком, и надеялся заполучить какой-нибудь ценный слух из тех, что циркулировали в комнате. Ему требовался хороший сюжет, и быстро, иначе его вызовут обратно в Нью-Йорк. Он не хотел уезжать. Его отец всё ещё приглаживал пёрышки, встопорщившиеся из-за происшествия с молодым кэдди[11] в гольф-клубе. Ему грозили страшными и разнообразными карами, но, как обычно, деньги всё решили. Ещё несколько месяцев – и о случившемся забудут. А пока что он нуждался в сюжете.

Это не должно было быть трудным. В конце концов, идёт война. Но британцы наплодили так много бюрократических проволочек и сбивающей с толку путаницы, что он как будто тонул во лжи и полуправде, а в некоторых случаях – в чистейшем вымысле.

– Вы идёте сегодня на ужин?

Росс повернулся и увидел незнакомое лицо.

– В «Савой»? Нет.

Это было благотворительное мероприятие только для мужчин, и Росс знал, что главенствовать там будет Гэбриел де Веселицки, эксцентричный председатель АИП, находившийся, как догадывался Росс, в кармане у британцев. Он мог придумать лучший способ потратить десять шиллингов, которые пришлось бы заплатить за ужин.

– Прошу прощения, – сказал Росс. Он гордился тем, что никогда не забывает лица, но к этому что-то никак не удавалось подобрать нужное имя. Лицо, широкое и дружелюбное, принадлежало крепкому мужчине тридцати с небольшим, с широкими плечами и русыми волосами. Он был во фраке, с примечательной изумрудной застёжкой для рубашки, которая мерцала и блестела на свету. – А вы из…

– «Мувитоун». Дирк Альбертс.

Росс подумал, что ослышался.

– Как вы сказали – Дик?

– Дирк. Я голландец.

Голландцы сохраняли нейтралитет, но Росс чувствовал, что они клонятся на сторону британцев.

– Брэдли Росс, «Нью-Йорк геральд». – Они пожали друг другу руки. – Кинооператор, да? Вы те ребята, которые собираются оставить нас, писак, не у дел?

Альбертс рассмеялся.

– Лишь после того, как люди смогут носить кинопроекторы в кармане. И лишь в том случае, если нам удастся оказаться вблизи от войны. Для этого требуется письмо от Господа Бога, скреплённое подписью Хейга[12]. Так что меня послали сюда разнюхать какую-нибудь хорошую новость, приключившуюся на внутреннем фронте.

– Нашли что-нибудь?

Росс узнал это переминание с ноги на ногу и эту напряжённость в теле. Плечи Альбертса чуть-чуть приподнялись. Да, у парня был сюжет. Но он не собирался его выбалтывать.

– Простите, глупый вопрос. Я куплю вам выпить?

Альбертс встретил прямой взгляд Росса.

---

[11] *Кэдди* – помощник игрока в гольф, который носит его клюшки и имеет право давать советы во время игры.

[12] *Дуглас Хейг* (1861–1928) – британский военный деятель, командующий британскими войсками в Первой мировой войне.

– Спасибо. «Ван дер Хам»[13] с содовой.

Росс свистом подозвал бармена в белом пиджаке и заказал бренди Альбертсу и «Олд Джамайка» – себе.

– А как насчёт вас? – спросил Альбертс.

– Почти то же самое. Не могу получить разрешение, чтобы подобраться поближе к какому-нибудь лакомому кусочку. Британцы всё разложили по полочкам. У них есть пять официальных военных корреспондентов – зачем нужен какой-то янки, который будет тыкаться туда-сюда и вещать правду?

Все пятеро – плюс несколько особых корреспондентов вроде Джона Бакена[14] – позволяли британскому правительству руководить своей работой и цензурировать тексты. Газета Росса не одобрила бы такое.

Альбертс покрутил свой бренди в стакане.

– По правде говоря, я услышал кое-что интересное. Здесь. В Англии. Кое-что крупное.

– Держите это при себе, – сказал Росс, с наигранным безразличием взмахнув рукой. – Не говорите мне ничего, о чём потом можете пожалеть.

Альбертс сделал большой глоток спиртного.

– Это сюжет не для кинокамеры. С нашей братией есть одна проблема – нас едва ли можно назвать неприметными, верно? Вы же знаете, у одного парня сценарий, а другой вертит ручку какой-то большой чёрной коробки. Не бывает кинооператоров под прикрытием.

– Думаю, нет.

– Чтобы заполучить свой сюжет, вам нужен всего лишь блокнот. Мне – тонна оборудования.

Росс кивнул. У печатного слова имелось такое преимущество по сравнению с движущимися картинками.

– Вы облегчаете мою тревогу за судьбу газет, – сказал он.

– Я думаю, места хватит для нас обоих, – сказал Альбертс. – Мы занимаемся одним и тем же делом, просто представляем его разными способами. Думаю, ваш больше подходит для этого случая.

Росс глотнул немного своего рома. Внимательно изучил голландца, принюхался к запаху его одеколона. Неужели этого Альбертса интересовало только профессиональное товарищество? Его зелёная изумрудная застёжка как будто светилась ярче с каждой минутой. Был ли выбор цвета случаен? Возможно, как иностранец, Альбертс не знал, что он символизирует, как в Лондоне, так и в Нью-Йорке.

– Ну так о чём он, Дирк? Этот ваш сюжет.

Голландец лукаво улыбнулся.

– Просто слух. Нет – и того меньше. Шёпот.

– Шёпот по поводу чего?

Альбертс подался ближе, и Росс почувствовал на своём ухе его горячее дыхание с запахом алкоголя.

– По поводу чего-то особо секретного.

– Где? Здесь, в Лондоне?

– В Суффолке, как я слышал.

– Суффолк. Интересно. А вы не хотите рассказать мне побольше? Может быть, за ужином? – спросил Росс, и его рука опустилась на барную стойку в полудюйме от руки гол-

---

[13] *«Ван дер Хам» (Van der Hum)* – разновидность бренди.

[14] *Джон Бакен (John Buchan)* – британский государственный деятель, издатель и писатель, пятнадцатый генерал-губернатор Канады с 1935 по 1940 год, автор романов, в частности, экранизированного А. Хичкоком «39 ступеней». Всю Первую мировую войну прошёл в качестве корреспондента «Таймс».

ландца. Кинооператор не отпрянул – просто уставился вниз, размышляя, правильно ли он интерпретирует сигналы.

– Может, когда мы узнаем друг друга получше, – с опаской проговорил Альбертс, осушил стакан и опустил его на стойку так, что их руки соприкоснулись костяшками пальцев. – Ужин выглядит хорошей идеей.

– А как быть со встречей в «Савое»? – спросил Росс, чувствуя биение крови в висках.

Альбертс рассмеялся и коснулся изумрудной булавки, покрутил её между указательным и большим пальцами. Он точно знал, что она означает, – они оба принадлежали к запрещённому братству.

– О, не переживайте, мы что-нибудь придумаем.

Джорджина Грегсон спустилась по ступенькам своего съёмного жилища, стуча каблучками и благодаря Господа, что вследствие перемен в моде юбки больше не волочились по полу, и можно было не бояться наступить на них, быстро идя по лестнице вниз. Когда она достигла тротуара, стоявший у бордюра таксомотор поменял флажок на «Свободен». Удача была на её стороне.

У неё был билет на премьерный Променадный концерт сэра Генри Вуда в Куинс-холле в Лэнгхем-плейс[15]. Когда она в последний раз побывала на одном из его концертов, аудитория громко выражала своё неодобрение тем, что в программу включили Бетховена и Вагнера, но сэр Генри переманил инакомыслящих на свою сторону, произнеся пылкую речь о том, что великое искусство превосходит государственные границы. Сегодня, однако, программа была очень безопасная – Равель, Дебюсси, Воан-Уильямс и Элгар, англо-французский музыкальный альянс.

Она купила только один билет, поскольку обнаружила, что в одиночестве проще раствориться в музыке, не переживая, что какое-нибудь произведение окажется слишком современным или и впрямь слишком немецким для спутника.

Миссис Грегсон прокричала водителю такси адрес концертного зала и, подобрав юбку, забралась в заднюю часть. Лишь оказавшись большей частью внутри, она поняла, что заднее сиденье уже занято.

– О, простите, – начала она. – Я думала…

– Закройте дверь, миссис Грегсон, – сказал мужчина, сидевший в углу и погружённый в тень.

Прежде чем миссис Грегсон смогла отреагировать, её грубо запихнули внутрь, и дверь за спиной захлопнулась.

– Что происходит? Откуда вы знаете моё имя? Как вы смеете…

– Не помните меня, миссис Грегсон? – Он наклонился вперёд, произнося эти слова, выставив на вечерний свет розовое и безволосое лицо. – Гровер. Я был сержантом. Возможно, с той поры прибавил пару фунтов. – Он похлопал себя по туго натянутому жилету. – Я знал вашего мужа. Помню вас с той поры, когда вы были Рыжим Дьяволом. – Он покачал головой. – Подобные вам никогда не меняются, верно? Вечно устраиваете неприятности. Я об этом подумал сразу же, как только увидел ваше имя.

---

[15] *Сэр Генри Джозеф Вуд* – британский дирижёр и общественный деятель, один из основателей Променадных концертов. Идея этих концертов заключалась в предоставлении широким массам возможности ознакомиться с классической музыкой по доступной цене; изначально концерты организовывались в парках, где публика могла прогуливаться во время представления, что и закрепилось в названии мероприятия, а также в возможности приобретать билеты на дешёвые стоячие места. Променадные концерты проходили в концертном зале Куинс-холл до самого его разрушения в 1941 году во время немецкого авианалёта. В настоящее время известны под сокращённым названием The Proms и проходят преимущественно в Альберт-холле.

Миссис Грегсон предположила, что «подобными ей» грузный коротышка именует суфражисток, к коим она с гордостью себя причисляла. И нет, она его совсем не помнила. Она постаралась изгнать из памяти те кошмарные месяцы. «Рыжий Дьявол» – таково было излюбленное прозвище, которое бульварная пресса придумала для неё в тот период, когда ей предъявили ложное обвинение в попытке убить премьер-министра.

– Я не собираюсь сидеть и слушать это. – Миссис Грегсон повернулась, желая выйти из машины, но увидела через стекло ухмыляющееся усатое лицо констебля преклонного возраста, который стоял, согнувшись, и держал наружную ручку двери, чтобы её невозможно было открыть. Когда она растерянно откинулась на спинку сиденья, Гровер сунул ей какой-то лист бумаги.

– Я задерживаю вас в соответствии с законом о защите королевства, миссис Грегсон.

Она резким движением отмахнулась от документа.

– В самом деле? На каких основаниях?

– На тех основаниях, что вы поставили под угрозу национальную безопасность, сунув нос туда, куда не следовало, а потом ещё и подняли шум по этому поводу. – Он постучал по перегородке, и таксомотор двинулся с места.

Миссис Грегсон напрягла мозги, чтобы понять, какой из её недавних поступков мог…

– Это связано с объявлением в «Мотоциклетной газете»?

Гровер втянул воздух сквозь стиснутые зубы – звук был очень неприятный.

– Опять вы за своё. Лучше бы вам помалкивать до трибунала.

– Трибунала? Какого трибунала? – Слово пробудило к жизни анонимных бюрократов в мрачных комнатах, которые решали её судьбу, не прибегая к суду, присяжным или адвокатам.

Миссис Грегсон почувствовала, как пробуждается мрачное предчувствие. Ей было слишком хорошо известно, как в результате козней судейских чиновников человека могут проглотить целиком, даже в мирное время. А дни, когда применялось правило хабеас корпус[16], остались далеко позади.

– Куда вы меня везёте? – требовательно спросила она, пока таксомотор набирал скорость.

– Туда, – сказал Гровер с намёком на улыбку, – где вы почувствуете себя прямо как дома.

Она поняла, что он имеет в виду, по весёлому блеску в глазах, и ценой немалых усилий сумела не обрадовать его подарком в виде слёз. Её снова везли в тюрьму Холлоуэй.

[16] Хабеас корпус (лат. habeas corpus, буквально «ты должен иметь тело», содержательно – «представь арестованного лично в суд») – понятие английского общего права, гарантирующее неприкосновенность личной свободы и презумпцию незаконности задержания.

Часть вторая
11–15 августа 1916 года

Пять

Перси Литтлвуд закончил погружать деревянные овощные ящики в трёхколёсный развозной фургон «Уорвик», когда было чуть больше восьми, и выехал в двадцатиминутный рейс по узким дорогам Суффолка до зоны хранения взрывчатых веществ Элведен. Гражданские редко вступали в какой бы то ни было контакт с реквизированным имением, и за последние несколько недель бакалейщик научился не задавать вопросы и держать рот на замке. Его не касалось, что они там делают за деревьями.

Даже в «Сохе», когда Элведен неизбежно всплывал в разговорах и дикие домыслы обретали достоверность с каждой выпитой пинтой, Перси просто пожимал плечами, чувствуя на себе чужие взгляды. Он зарабатывал хорошие деньги, доставляя еду и припасы, – достаточные, чтобы не отказываться от них из-за праздных слухов. Он знал, что дало этим людям повод для сплетен. И всё-таки дело было прибыльное – по крайней мере, для него.

А значит, если договорённость продлится ещё долго, у него появится возможность попросить руки Лиззи Косфорд. Пусть она моложе на двадцать лет, но Перси подозревал, что современные женщины не могут позволить себе излишнюю разборчивость. Множество ровесников Лиззи не вернутся домой, и, если не проявить осторожность, Англия станет страной старых дев. Газеты уже полнились объявлениями, которые подавали отчаявшиеся молодые леди, чьих женихов убили во Франции или Бельгии, предлагавшие супружество и уход за ослепшими или изувеченными.

Машин на дороге не было, и Перси ехал быстро, так что у входа в зону хранения взрывчатки оказался всего-то через четверть часа. Он остановился у шлагбаума, и сержант с «ленивым глазом» по уставу заглянул в заднюю часть фургона, чтобы убедиться, что Перси не спрятал там кого-нибудь, а потом махнул рукой и предупредил, что разгружаться следует в обычном месте, где его будет ждать заказ на следующий вторник.

Перси повёл трёхколёсник на малой скорости по дороге, что смыкалась с подъездной аллеей, ведущей к Холлу, но, как делал всегда, потянул рычаг и съехал на обочину, прежде чем открылся вид на роскошное здание.

– Могли бы и выделить парочку негодников, чтоб подсобили с разгрузкой, – пробормотал Перси. Но этой работой всегда приходилось заниматься в одиночестве – видимо, на тот случай, чтобы он не вовлёк кого-то из солдат в беседу.

Перси заглушил мотор и вышел наружу, в тишину раннего утра. Место ему не нравилось. Ему всегда казалось, что из подлеска кто-то смотрит. Иногда он краем глаза замечал движение среди деревьев, слышал треск ветки или отголоски разговора и смеха, хотя знал, что военные расквартированы с другой стороны имения. От этого у него по спине бегали мурашки.

Литтлвуд быстро разгрузил ящики с провизией, сунул счёт в самый верхний и тихонько рассмеялся. За деньги, которые он с них брал, можно было и потерпеть мурашки дважды в неделю. Потом он достал бумаги, которые для него оставили в деревянном ящике, прибитом к одному из старых дубов. Выполнил аккуратный разворот в три приёма и поехал обратно через поднятый шлагбаум, помахав сержанту по пути.

Только преодолев две мили, Перси остановился и изучил заказы. Как и следовало ожидать, там находился дополнительный коричневый конверт, на котором было написано: «Тре-

буются свежие медицинские принадлежности». За его передачу Бренде на почте в Тетфорде заплатят дополнительно десять шиллингов, без лишних вопросов.

Конверт не был хорошо запечатан, и Перси поднёс его ко рту, чтобы ещё раз смочить слюной проклеенный край. Замешкался. Посмотрел в зеркальце на двери, чтобы убедиться, что на этом участке дороги больше никого нет. Вытащил лист бумаги. Это и впрямь был список медицинских принадлежностей, написанный плавным почерком.

Перевязочный материал, семь рулонов
Ментоловый бальзам, три жестянки
Крысиная отрава (паста из красного морского лука)[17]
Аптечка первой помощи (фельдшерский набор № 7)
Микстура от кашля «Джи»
Моющее средство «Скрабб» (2 бутылки)
Санитарные полотенца, прессованные (один ящик)
Суппозитории «Энуль» (две коробки)

В списке было ещё две страницы. Перси мог достать половину у аптекаря в Тетфорде, но нет, это следовало отослать в Лондон. И об этом он также должен был помалкивать. Десять шиллингов, как-никак. За такое Перси бы поклялся, что чёрное – это белое. И деньжата отправятся прямиком в брачную кубышку Лиззи Косфорд.

Он убедился, что дорога по-прежнему пуста, включил первую скорость «Уорвика» и поехал к дороге, ведущей в Тетфорд.

Если бы Перси Литтлвуд смог понять код, содержавшийся в том скучном списке, шифр, который усердно разрабатывали при участии всех сторон, он мог бы и позабыть про Лиззи. Ибо в Лондоне люди более прозорливые, чем Перси, поняли бы, что причина смерти семерых человек, чьи жизни унёс несчастный случай во время учений, пока что оставалась неразгаданной, и единственный выживший был по-прежнему нем. И последняя строчка, в которой говорилось о срочной доставке ящика тонизирующего вина Святого Осии – Осия, сын Навина[18], один из двенадцати разведчиков, посланных Моисеем в Ханаан, был святым покровителем шпионов, – толкованию подвергалась легко.

«Присылайте своего человека».

[17] *Морской лук (лат. Drimia maritima)* – многолетнее травянистое луковичное растение. Красная разновидность морского лука используется в виде эффективного дератизационного средства.

[18] В православной традиции известен как Иисус Навин.

Шесть

Восемь джентльменов из Комитета по военным неврозам вошли в лекционный амфитеатр в Миллбанке и заняли свои места, гадая, свидетелями чего им предстоит сделаться. В передней части зала за кафедрой стоял майор Джон Х. Ватсон в униформе, с деревянной указкой в руке. Позади него находился белый экран, на который был направлен луч проектора. По сторонам от него располагалось несколько подвешенных холстов, на каждом из которых был изображён какой-то аспект человеческого тела, отображённый в виде людей, лишённых стольких слоёв кожи, сколько требовалось, чтобы показать артериальную, венозную и лимфатическую системы, мускулатуру или нервные пути. Рядом с помостом был желтоватый человеческий скелет, подвешенный к металлической стойке за крюк в черепе.

Ватсон изучил своих зрителей. Ими были пять офицеров из медицинской службы сухопутных войск, включая Крокера, заместителя начальника медицинской службы, и подполковника Роберта Армстронга Джонса, коменданта психиатрической лечебницы Клейбери, а также три гражданских специалиста – два невролога и психиатр. Комитет по военным неврозам созвали поспешно, чтобы дать ответ на вопросы, которые возникали в связи с частотой так называемых боевых неврозов и лечением их жертв.

Перед этими людьми Ватсон чувствовал себя в высшей степени некомпетентным. Продолжительность его собственного опыта работы с этим расстройством составляла немногим больше восьми месяцев. Впрочем, напомнил себе доктор, у него было одно преимущество перед этим блистательным комитетом. В отличие от них, он заглянул в ту тёмную яму, куда упали столь многие солдаты. Лишь благодаря удаче и добрым друзьям он сам в неё не свалился. Но почувствовал тягу отчаяния и страданий, словно некую тёмную, зловещую гравитацию. Лишь тот, кто бывал на фронте или, как он, проник дальше, в сточный колодец ничьей земли, мог рассчитывать на понимание того, через что проходили солдаты неделю за неделей, год за годом.

Замначальника медслужбы был тем, на кого следовало произвести впечатление. Ватсон тайком бросил на него взгляд. Подполковник Перси Крокер – за глаза его называли Громадиной – был во всех смыслах большим человеком, с ушами, которые могли бы заменить паруса.

Когда зажглись трубки и сигареты, Ватсон прочистил горло:

– Джентльмены, благодарю за визит. Надеюсь, я сумею оправдать затраченное время. Как вы знаете, я не претендую на звание эксперта по неврастении или психиатрии. Я, в силу своего обучения, скромный врач общей практики.

– И в самом деле, – сказал один из офицеров, словно подводя итог. Ватсон продолжил, не обращая внимания на замечание:

– Однако мне довелось на себе испытать условия на передовой. Я был под артобстрелом. Говорю это без намёка на бахвальство или высокомерие. – Ватсон помедлил. Он не пытался вызвать у слушателей чувство некомпетентности. Он знал, что Крокер объезжал поля сражений и видел заградительный огонь, но был в достаточной степени уверен, что остальные члены комитета никогда не покидали Британских островов. – Именно мой собственный опыт в связи с последствиями столкновения с современными средствами ведения войны разжёг во мне интерес к такому предмету, как военные неврозы. – Пришлось соблюдать осторожность, чтобы не произнести словосочетание «снарядный шок». Сидящий перед ним замдиректора медслужбы наложил вето на этот термин[19]. – Я испытал ночные кошмары,

[19] Термин «снарядный шок» (shell shock) в официальной медицинской литературе появился в начале Первой мировой войны в статье, опубликованной Чарльзом Майерсом в журнале «Ланцет». Однако довольно быстро он вышел из меди-

внезапные изменения настроения и приступы неоправданной агрессии даже по отношению к старым, проверенным друзьям, а также отстранённость от мира. Симптомы длились много недель после моего возвращения домой, но я знаю, что моя форма расстройства была лёгкой. В какой-то степени придя в себя, я озаботился случаем молодого человека, с которым мы познакомились на фронте. – Ватсон повысил голос, обращаясь к технику, сидевшему в последнем ряду амфитеатра: – Вы не могли бы приглушить свет?.. Спасибо.

Потолочные лампы одна за другой выключались с глухим стуком, пока единственными источниками света не оказались тонкие лучи света, просачивавшиеся по краям затемняющих штор, и настольная лампа на помосте. Ватсон услышал, как слушатели в нетерпении ёрзают на своих местах.

– Будьте любезны запустить киноплёнку…

Кинопроектор, спрятанный в похожей на чулан комнатке, где обычно находился волшебный фонарь[20], ожил и, бряцая и жужжа, послал в переднюю часть лекционного зала пронизанный дымом луч света. На экране появился яркий квадрат, полный пляшущих загогулин.

Их сменило изображение сидевшего в пустой комнате взволнованного мужчины, который размахивал руками, словно его донимал рой невидимых пчёл.

– Это, джентльмены, капитан Фэйрли. Молодой человек, которого я впервые повстречал в траншеях в Бельгии, где он вёл себя совершенно разумно, честно и отважно. – Ватсон выделил последнее слово и выдержал паузу для усиления эффекта. – Вы видите капитана через несколько недель после возвращения в Англию, во власти полного нервного коллапса, возникшего после того, как наступление немецких войск застигло его в ничьей земле, где он пережил миномётный обстрел с двух сторон, прежде чем сумел вернуться к расположению британских войск. Это был второй случай, когда он оказался там в продолжительной изоляции. Одного для большинства хватило бы.

Ватсон позволил зрителям ещё некоторое время поглядеть на измученного капитана, чьё лицо свидетельствовало о том, что он претерпевает какие-то невидимые ужасы.

– Трудно поверить, но здесь ему уже лучше. Перед этим он находился в состоянии атаксии и время от времени испытывал приступы агрессии. – Рука Ватсона невольно потянулась к горлу, и он торопливо её отдёрнул. Доктор решил, что лучше не упоминать о том, как во время встречи с Фэйрли он сам стал жертвой нападения. Всплеск гнева был кратким, и миг спустя капитан обмяк, как пробитый аэростат. – Смотрите.

Фэйрли встал и, продолжая сражаться со своими воздушными мучителями, пошёл вперёд той странной, разболтанной походкой, что характеризовала многих страдальцев. Он дёргался и извивался, преодолевая путь в три-четыре шага, словно марионетка с обрезанными нитями. Ватсон чувствовал исходящее от зрителей душевное волнение. Сам доктор, хоть и видел эту запись дюжину раз, всё ещё ощущал, как всё внутри сжимается от одного взгляда на солдата.

На экране появились новые загогулины, и плёнка закончилась.

– Свет, пожалуйста, – попросил Ватсон.

цинского обихода и в 1917 году был официально запрещён. Недостаточно чёткая формулировка позволяла подогнать под «снарядный шок» множество разнообразных расстройств, не все из которых были связаны с военным опытом больных; неприязнь к термину возникла ещё и по той причине, что проявления «снарядного шока» многие принимали за трусость и нежелание воевать, а многочисленных пострадавших от него – за симулянтов. Во время Второй мировой войны для обозначения аналогичного расстройства стали применять термин «боевая психическая травма». БПТ в настоящее время считается частным случаем посттравматического стрессового расстройства, и нередко для её обозначения используются такие термины, как «вьетнамский синдром», «афганский синдром» и т. д.

[20] *Волшебный фонарь (лат. Laterna magica)* – аппарат для проекции статичных изображений, изобретение которого приписывают голландскому учёному Христиану Гюйгенсу. Применялся с XVII по начало XX в., является важным этапом в истории развития кинематографа.

Зрители заморгали, когда зал снова озарился.

– И это всё? – спросил Армстронг Джонс. – Был ли дальнейший прогресс в его восстановлении?

– Судите сами, джентльмены, – сказал Ватсон. – Позвольте представить вам капитана Фэйрли.

«Техник» спустился по ступенькам, перешагивая через две за раз, и с улыбкой на лице приветственно протянул Ватсону руку. Доктор взял её и энергично пожал.

– П-п-простите за ухищрения, – проговорил Фэйрли, поворачиваясь к комитету. – Н-но мы подумали, что так будет нагляднее прогресс, которого я д-д-достиг благодаря доктору Вастону.

– Что ж, молодой человек, – сказал Крокер, – как вы теперь себя чувствуете?

– Лучше, – ответил Фэйрли.

– Это значит, – быстро прибавил Ватсон, – лучше по сравнению с предыдущим этапом. Капитан Фэйрли не возражает, чтобы я сообщил о том, что у него всё ещё бывают моменты… скажем так, «хрупкости».

Фэйрли кивком выразил своё согласие.

– Но рано или поздно вы будете готовы к тому, чтобы вернуться на фронт? – продолжил расспросы Армстронг Джонс. – Не уйдёте в отставку, чтобы жить на какую-нибудь пенсию?

Фэйрли тяжело сглотнул:

– Я полагаю…

– Неужели предмет нашего научного диспута, его конечная цель – простое возвращение пострадавших от снарядного… пострадавших солдат на фронт? – спросил Ватсон.

Несколько членов комитета кашлянули.

– Комитет был учреждён с этой целью, – сказал Крокер. – Частота возникновения военных неврозов наносит серьёзный ущерб личному составу.

– В самом деле? – раздражённо спросил Ватсон. Ему следовало взять себя в руки. – Я думал, всё дело в немецких пулемётах. Сколько человек умерли первого июля этого года?

Ответ был известен каждому. Новости о масштабах потерь в ходе сражения при Альбере, первой части наступательной операции на Сомме, просачивались медленно. Но количество телеграмм, доставленных по всей стране, поведало историю, которую газеты поначалу замалчивали. Примерно 19 000 убитых, общие потери – почти 60 000. И это только в первый день. И только у одной из сторон.

– Тем больше у нас оснований, – проговорил Армстронг Джонс, – послать обратно тех, кто в физическом смысле не пострадал.

– О, но ведь они пострадали! – возразил профессор Миллер, один из гражданских докторов. Он был сухопарым, с густой копной волос цвета стали и ртом, застывшим в напряжённой гримасе неодобрения.

– Именно, – сказал Ватсон, просияв. – Хотя и не в физическом…

– Не согласен, – перебил Миллер. – Почти все разновидности военных неврозов вызваны повреждением периферических нервов вследствие контузии и действия угарного газа…

Ватсон не мог слушать такой вздор. Он стукнул по кафедре:

– Простите меня, профессор Миллер. Это бессмыслица. У этого человека не было нервных повреждений.

Миллер начал чертить в воздухе пассы, словно дирижируя оркестром, который играл особенно замысловатое музыкальное произведение.

– Но его походка, его координация движений…

– Не связаны с физическим повреждением. – Ватсон повернулся к Фэйрли: – Вы не могли бы…

Капитан сделал четыре уверенных шага по комнате, а потом – ещё четыре в обратном направлении.

– Повреждённые нервы так не восстанавливаются. Не за такой временной промежуток. Вы разве не согласны?

– Это впечатляет, – с неохотой согласился Миллер.

– Чего мы не смогли запечатлеть на плёнке, так это голос капитана Фэйрли. Как и у многих других пациентов, страдающих военными неврозами, у него радикальным образом изменилось произношение. В его случае оно сделалось шотландским.

Фэйрли покраснел и уставился себе под ноги.

– Шотландским? – переспросил Миллер.

– Мы думаем, это часть синдрома бегства, – объяснил Ватсон. – Стремления поселиться в другом теле – любом теле, которое было бы лишено тех же самых воспоминаний. Одним из первых врачей капитана был шотландец. Когда Фэйрли покинул тот госпиталь, он забрал с собой выговор того человека.

– Итак, капитан Фэйрли, – сказал Крокер, – давайте раз и навсегда всё выясним. Вы предвидите день, когда сможете вернуться к службе в действующей армии?

Ватсон увидел, как по щеке капитана волной пробежала судорога, и подметил его сжатый кулак. Он понимал, что это означает. Внезапно пробудилось воспоминание – часто они бывали визуальными, иногда слуховыми или обонятельными – о траншеях и ничьей земле, точно хлынувший из воронки газ.

– Я н-н-надеюсь, что сумею послужить своей стране опять, да.

Если кто-то из членов комитета и заметил уклончивость ответа, они не подали вида.

– Молодец, – сказал замначальника медслужбы, несколько раз одобрительно кивнув. – Молодец.

Ватсон проговорил сквозь стиснутые зубы:

– Джентльмены, не могу удержаться от мысли, что мы видим проблему с разных сторон. Мы делаем с нашими молодыми людьми нечто ужасное, не имевшее до войны широкого распространения. Мы должны озаботиться тем, как вернуть их к жизни, а не к этому… – Доктор ткнул пальцем, словно линия фронта располагалась прямо за стеной позади него: – …Аду, где их снова ожидают пули и газ.

Слушатели смущённо молчали. Ватсон понял, что прокричал последнюю фразу. Он поправил галстук и проинструктировал капитана:

– Следующий фильм, пожалуйста, Фэйрли.

– Сэр. – Юноша с радостью убрался из центра внимания, вприпрыжку взлетел по лестнице и снова вошёл в комнату с кинопроектором.

– Собираетесь ли вы поделиться секретом, – проговорил профессор Миллер более примирительным тоном, – того, как достигли таких результатов, майор Ватсон?

Ватсон указал на стопку бумаг на столе возле двери. Облизнул губы и проговорил ровным голосом:

– Вот заметки, которые вы можете полистать в своё удовольствие. Дело в том, что проявления этого невроза не фиксированные, они в значительной степени различаются у каждой жертвы. Что у них общего, так это глубокий стыд, беспокойство, нервное истощение, ненависть к врагу и страх. Присутствует одиночество, поскольку больной отделяет себя от товарищей, и давящее ощущение неудачи в исполнении своего долга. И, что всего важнее, каждый из них перестаёт ощущать себя мужчиной. Это не связано со слабыми нервами или предрасположенностью к расстройству. – Он поймал взгляд доктора Джейкобса – человека с лицом из множества мешковатых складок, который немало написал о чертах характера, свойственных солдатам и приводивших к тому, что кто-то из них испытывал военный шок, а кто-то как будто был к нему невосприимчив. – Вообще-то такой синдром был описан во

время американской Гражданской войны, во многих смыслах ставшей первым современным вооружённым конфликтом, во время которого использовались железнодорожная артиллерия и примитивные пулемёты[21]. А русские офицеры демонстрировали симптомы того, что их немецкие доктора называли Kriegsneurosen[22], во время войны с Японией.

– Однако вашего капитана Фэйрли я бы отнёс к чувствительным натурам и думаю, вы со мной согласитесь, – сказал Джейкобс, который вместе со своим учителем, сэром Джоном Колли, считался экспертом в области симуляции болезней[23].

Ватсон поднял брови и повысил голос:

– Запускайте плёнку, пожалуйста.

– Один момент, майор Ватсон, – перебил Крокер. – Кто именно сделал кинематографическое изображение этих субъектов?

– Кинооператор из «Пате»[24].

– «Пате»? – с неподдельным беспокойством переспросил Крокер. – Надеюсь, эти картинки не станут частью «Анимированной газеты», которую в скором времени будут показывать во всех синематографах[25], майор? Только подумайте о боевом духе. Люди могут предположить, что это в каком-то смысле нормально.

– Шарль Пате – мой старый друг, – сказал Ватсон. Вообще-то Шарль Пате был старым клиентом Холмса и с радостью согласился помочь. – Киноплёнки принадлежат мне. Копий не существует.

– Ладно, – буркнул Крокер, успокаиваясь. – Продолжайте.

Представление было похожим на первое: тяжелобольной мужчина пытался выполнять простые задания – застегнуть пуговицы на рубашке, завязать шнурки – и каждый раз сдавался перед лицом их немыслимой сложности. Потом он начал ходить, но при каждом шаге пригибался или уходил в сторону, иногда на секунду кидался на пол, а потом вскакивал. Он уклонялся от воображаемых пуль и снарядов. На последнем кадре солдат опять лежал ничком, укрывая голову руками и ожидая окончания фантомного артиллерийского обстрела.

– Это капрал Доннели. Также выпускник Винчестерского колледжа, как Фэйрли. Как вы знаете, выпускники этого заведения очень хорошо представлены среди офицеров. Но Доннели предпочёл начать службу в звании сержанта, а не офицера. Он вступил в батальон Королевских ирландских стрелков и был на Сомме в первый день. Под мощным огнём спас троих раненых сослуживцев, потом отправился назад, чтобы уничтожить пулемётную позицию, из-за которой погибло так много его товарищей, и преуспел благодаря ручным гранатам Милса и винтовке. Некоторые думают, он заслужил Крест Виктории[26]. Я сомневаюсь, доктор Джейкобс, что его можно было отнести к чувствительным натурам. А если и можно, то нам бы не помешали ещё пара тысяч таких же, наверное.

– Как по мне, это похоже на синдром ложной эвакуации, – гнусаво проговорил Джейкобс. Это была его собственная выдумка – идея, согласно которой психическое расстройство, равнозначное уклонению от долга, можно было сымитировать, чтобы вернуться к родным пенатам. Он считал это новым эквивалентом жевания бездымного пороха ради симуляции

---

[21] «…первым современным вооружённым конфликтом, во время которого использовались железнодорожная артиллерия и примитивные пулемёты» – в первом случае речь идёт о пушке Брука и других береговых орудиях, которые во время американской Гражданской войны помещали на железнодорожные вагоны-платформы и перемещали к местам сражений; во втором – о пушке Гатлинга, прообразе современного пулемёта.

[22] *Kriegsneurosen* – военные неврозы (*нем.*).

[23] Сэр Джон Колли написал на эту тему книгу «Симуляция болезней» («Malingering», 1913 г.).

[24] *«Пате» (Pathé)* – французская киностудия, основанная в 1896 г. братьями Пате.

[25] *«Анимированная газета»*, или *«Пате-журнал»*, – регулярная документальная хроника, которую на студии «Пате» выпускали с 1908 по 1926 г.

[26] *Крест Виктории* – высшая военная награда в Великобритании, которой могут быть награждены военнослужащие всех званий и родов войск.

сердечного расстройства и полагал, что явление распространяется среди «слабовольных» новых военных подразделений точно зараза. – Это просто пантомима.

– Зрелище не вызвало у меня ни единой улыбки, когда я сделался его свидетелем, – парировал Ватсон.

– А что теперь? – спросил Крокер. – Где этот пациент сейчас?

– Свет, – скомандовал Ватсон, когда мелькнул последний кадр плёнки. – Доннели был из нижних чинов, – продолжил он, следя за тем, чтобы не зарычать на членов комитета. – Санаторий в сельской местности или «особое» больничное крыло не предназначены для таких, как он. Нет, его послали в «восстановительное» отделение госпиталя Нетли, где пациенты живут в жестяных хижинах и подчиняются военной дисциплине, включая полный осмотр вещей личного пользования в шесть тридцать утра, марши, учения и постановочные сражения – всё это задумано, как мне сказали, чтобы помочь им «заново открыть в себе мужественность». Семья регулярно посылала ему «Антиневрастин Доктора Хартмана», который он пил в больших количествах. И который, как вы знаете, содержит, большей частью, яичный белок и спирт. Но я всё равно собирался сегодня привести сюда капрала Доннели.

– Но?

И опять Ватсону пришлось перебороть себя, чтобы сохранить спокойный тон.

– Но он повесился два дня назад.

В наступившей тишине было слышно, как в задней части амфитеатра тикают часы.

– А-а. Это прискорбно. Однако к чему же вы клоните, Ватсон? – спросил Крокер.

«Пришло время для здравого смысла», – решил майор.

– Нам нужен другой подход к этим расстройствам, в особенности в том, что касается рядового и сержантского состава. Чарльз Майерс проделал в этой области хорошую работу. – Кто-то из слушателей фыркнул. Майерс был военным специалистом по нервному шоку, и он также начал склоняться к мысли, что «здравый» подход к снарядному шоку причинял больше вреда, чем пользы. – Эти люди должны общаться с семьями, с возлюбленными, им надо поручать конструктивный труд. А не говорить снова и снова, что они больше не мужчины и не солдаты.

Дверь в лекционный амфитеатр открылась, и показалась голова дежурного:

– Майор Ватсон, прошу меня простить. Боюсь, к вам посетители.

– Сейчас не время, юноша! – пророкотал Крокер.

Дежурный дёрнулся, покраснел, но не двинулся с места.

– Мне нужно ещё пару минут, – сказал Ватсон более сдержанным тоном.

– Они сказали, что не могут ждать. По их словам, речь о Доре.

Ватсон попытался подавить резкий всплеск тревоги. «Дора» была не той женщиной, чью визитку хотелось бы обнаружить у своей входной двери. ДОРА. Закон о защите королевства.

– Вы позволите, джентльмены? – Он снова указал на столик. – Там заметки, которые вы можете просмотреть, пока я вернусь.

Они сидели в фойе здания, оба курили. Высокий поджарый ирландец с суровым веснушчатым лицом и грузный бывший минёр. Койл и Гибсон. Так называемые «прохвосты» Вернона Келла[27]. Часть того, что было известно Ватсону как Бюро секретной службы, затем МО-5 и теперь, вот уже пару месяцев, МИ-5[28]. Эта необычная пара была тайными агентами.

Гибсон выбросил сигарету и затушил каблуком.

---

[27] *Генерал-майор сэр Вернон Джордж Уолдегрейв Келл* – основатель и первый директор Службы безопасности Британской империи (MI5).

[28] «…было известно Ватсону как Бюро секретной службы, затем МО-5 и теперь, вот уже пару месяцев, МИ-5» – перечислены этапы становления государственной структуры, которая в настоящее время официально именуется Службой безопасности (Security Service) и представляет собой британское ведомство контрразведки.

– А-а, майор Ватсон. Извините за вмешательство. Вы бы не могли пройти с нами, пожалуйста? Снаружи ждёт машина.

– Мистер Гибсон, я веду необычайно важное…

– Это подождёт, майор, – тихо, но твёрдо ответил Койл. – Вас вызывают.

– Вызывают, да что вы говорите? И кто же?

Гибсон вручил ему сложенный лист бумаги. Саутвортская профессиональная, машинально отметил Ватсон. Раскрыл лист и прочитал напечатанные на машинке слова: «Ватсон, немедленно отправляйтесь с этими джентльменами. Берите медицинский саквояж. Это дело чрезвычайной важности».

Чуть ниже стояла подпись, сделанная дрожащей, но мгновенно узнаваемой рукой:

«Шерлок Холмс».

Семь

Мисс Пиллбоди, школьная учительница без школы, не сомневалась, что запомнит этот день на всю оставшуюся жизнь. Джентльмены очень редко приходили к ней в гости. Но в тот знойный августовский полдень, когда даже её коттедж с толстыми стенами покинула прохлада, сразу двое едва не оттоптали друг другу ноги на вымощенной каменными плитами дорожке, что вела к её двери.

Она только что завершила урок музыки с Эмили Торрент, которая была на самом деле весьма одарённой, когда появился первый из них. Одетый в кремовый парусиновый костюм и соломенную шляпу-канотье, он был чужаком во всех смыслах слова: незнакомым ей и куда более ярким существом, чем те, к кому привык посёлок. Она как раз положила в карман медяки и трёхпенсовики, с которыми прислали Эмили, – не хватало целого флорина, однако стоило послушать, какие звуки эта девочка извлекала из запущенного пианино мисс Пиллбоди, – когда в дверь постучали.

Он приподнял шляпу, когда она ответила, и рассыпался в извинениях за то, что потревожил её. Его выговор тоже был чужим для этих краёв.

– Вы американец.

– Именно так, мэм. Брэдли Росс. В прошлом – сотрудник «Нью-Йорк геральд». Я снял маленькое жилище в нескольких домах от вашего, с намерением написать книгу за следующие шесть недель или около того.

– Книгу, – повторила она. – Как интересно. Роман?

Он рассмеялся.

– Я писатель, но не в этом смысле. Нет, книга будет о том, почему Америка должна присоединиться к Британии в сражении с Германией и её союзниками. «Славная битва» – такое у неё рабочее название.

Она одобрительно кивнула.

– Мне нравится. А она это сделает? Присоединится?

– Если я вложу свою скромную лепту, возможно. Ну так вот, по американскому обычаю, я просто знакомлюсь со своими новыми соседями. – Он поморщился. – Хотя всё проходит совсем не так гладко, как я себе представлял.

Она рассмеялась, услышав это. Мисс Пиллбоди легко могла вообразить, как кое-кто из наиболее замкнутых сельских жителей мог отреагировать на эту яркую птицу, что приземлилась среди заурядных голубей.

– Могу ли я предложить вам чаю? Можем посидеть в саду, – поспешно прибавила она, когда Чарльз, пожилой почтальон, проехал мимо и чуть не упал с велосипеда, потому что вывернул голову, наблюдая за ними через плечо. Несомненно, об этом позже будут говорить в пабе: мисс Пиллбоди принимает в своём доме мужчину!

– Отлично. Однако мне бы не хотелось причинять вам неудобство, ведь вы, должно быть, заняты, мисс?..

– Мисс Пиллбоди. И едва ли я занята. Не теперь. Присаживайтесь, пожалуйста. – Она указала на ту сторону коттеджа, возле которой под айвовым деревом расположились кованый стол и три таких же стула. – Вам придётся стряхнуть листья и проверить, не лежит ли там какой-нибудь упавший фрукт. – Она сделала мысленную заметку: надо собрать с дерева созревший урожай. У неё предостаточно времени, чтобы сделать варенье. – Мне бы не хотелось, чтобы вы испачкали этот прекрасный костюм.

– О, не переживайте. Уверен, где-то поблизости есть прачечная.

– Мистер Росс, поблизости нет ничего, и вскоре вы в этом убедитесь. А к тому, что есть, нужно ехать кружным путём.

– Да, я видел. Главная дорога перекрыта. Должен заметить, мне в весьма неприятной форме велели поскорей убираться прочь. Я им говорю, дескать, любезность денег не стоит. Так этот малый в ответ пообещал засунуть штык мне в… В общем, ладно, с удовольствием выпью с вами чаю.

В ожидании пока закипит чайник, мисс Пиллбоди разглядывала своего гостя через кухонное окно со свинцовым переплётом. У него было открытое лицо с крупными чертами, широкие плечи, густые светлые волосы, коротко остриженные на затылке и по бокам, но с привлекательной чёлкой надо лбом, и он был где-то на четыре – шесть дюймов выше большинства мужчин из посёлка и окрестностей. Они выглядели так же, как и местные коттеджи, – приземистые, тёмные и с неправильными пропорциями. Только викарий был выше ростом, а он приехал из Оксфордшира. Наверное, решила она, причина того, что мистер Росс так гармонично сложен, заключается в американской диете.

Она бросила взгляд на чинный ряд викторианских кукол, занимавший верх буфета. Посмотрела в безжизненные глаза любимой и спросила:

– Что ты думаешь про мистера Росса, Хайди?

Разумеется, керамическое личико не ответило, так что мисс Пиллбоди собрала чайник, чашки, молоко, четыре абернети[29] и две креолы[30] – всё, что осталось после того, как она щедро раздала содержимое коробки с печеньем своим ученикам, – и понесла в сад.

Росс, приставив ладонь ребром ко лбу, глядел в небо, где маленькая точка выписывала пируэты.

– Это «Виккерс»? – спросил он. – Аэроплан?

– Не спрашивайте меня, мистер Росс, – ответила она. – Я ничего не смыслю в таких вещах.

– Прошу вас, называйте меня Брэдли. И я буду чай без молока, если позволите.

– Разумеется. Аэроплан с лётного поля в Тетфорде. Сюда иной раз залетают цеппелины и пытаются его бомбить.

– Правда? – Он не сумел скрыть волнение в голосе. – Как часто?

– Не очень. И не переживайте, они ни разу не нанесли ущерб посёлку.

– Понятно, но это хорошее начало для книги. Подлые гунны бомбят идиллические английские пастбища при помощи своих военных машин легче воздуха. Благодарю. – Он взял чай. – Итак, мисс Пиллбоди, вы знаете, чем я занимаюсь. А как насчёт вас? Вы рисуете, – он указал на пустой мольберт, стоявший посреди сада, – и играете на пианино.

– Кое-что смыслю и в том и в другом. – Вообще-то она весьма гордилась своими акварелями. – Но в основном преподаю, или, точнее, преподавала в сельской школе.

– Прошедшее время?

Немного поколебавшись, она рассказала ему про то, что местные называли расчисткой. От этого не могло быть никакого вреда. В конце концов, все поблизости знали о случившемся. Вообще-то некоторые люди только о нём и говорили.

– И вы понятия не имеете, что они там делают? В лесу? В имении? – спросил он, протягивая руку за печеньем.

– Нет. Нам велено не задавать вопросов. «Под страхом смерти». – Она хихикнула и понизила голос до шёпота, такого тихого, что случайное дуновение ветерка могло бы унести слова прочь: – Один из местных жителей, Джимми, который работает в кузнице, но ещё и занимался, то есть занимается браконьерством, он заявил, что пробрался туда как-то ночью. В имение. За теми жирными птицами, которых в этом году не будут отстреливать. Я слы-

---

[29] *Абернети* – диетическое сухое печенье с тмином. Названо по имени создателя, врача Джона Абернети.

[30] *Креола* – печенье-сэндвич со вкусом шоколада. Торговая марка «Креола» существовала в описываемый период, а в настоящее время это печенье называют «бурбонским».

шала, что он стоял посреди паба и рассказывал всем желающим про какое-то новое оружие. Тепловой луч. Как у Герберта Джорджа Уэллса… ну вы понимаете.

– Чёрт возьми. У него были доказательства?

Она покачала головой:

– Нет. Это всё пьяная болтовня. Потом, через несколько дней, он исчез. Его не было три недели. Говорят, теперь он вернулся, потому что в его коттедже время от времени горит свет, но на стук в дверь никто не отвечает.

Росс выглядел сбитым с толку.

– Выходит, люди думают, что…

– Кто-то его забрал и поговорил с ним. Очень убедительно поговорил, мистер Росс. Так что я думаю, вам не стоит писать в своей книге о том, что там происходит, чем бы оно ни было.

– Похоже на то, – сказал он, нахмурившись. – Но вы сами ничего не видели?

Она отпила из чашки, осознавая, что рассказала этому длинноногому незнакомцу слишком многое. Больше, чем собиралась. В нём чувствовалась непринуждённость, которой большинство англичан были лишены.

Но что, если это проверка? Что, если его послали военные, чтобы проверить, не болтлива ли она, не представляет ли опасности? Или, быть может, пусть он и сказал, что «в прошлом» работал в «Нью-Йорк геральд», стоит вспомнить о том, что бывших журналистов не бывает? У неё внезапно пересохло в горле. Она ничего не видела. Но кое-что слышала. Кое-что необычайно странное. Голоса, явно бесплотные, плыли над полями. Большей частью это было неразборчивое бормотание, но время от времени слово – или даже отвратительное ругательство самого низменного сорта – звучало сквозь нечёткий гул. Случались и более тревожные события – иногда тех, кто жил неподалёку от запасных железнодорожных путей, вынуждали задёргивать занавески и не выглядывать наружу, а для того, чтобы убедиться в соблюдении приказа, снаружи ставили часовых. Что же от них скрывали?

– Нет, ничего, мистер Росс, – сказала мисс Пиллбоди.

Разговор перешёл к их истокам, и она рассказала о своём брате, Арнольде.

– Что ж, Америке следует вступить в войну, чтобы уменьшить число таких случаев, как тот, что произошел с вашим братом. Мы бы мигом вывели ситуацию из тупика.

– Будем на это надеяться. Ещё чаю?

– Спасибо, но мне пора. Однако, если вы не возражаете, я бы хотел ещё заглянуть. У меня просто есть вопросы о том, как кое-что разыскать. – Он перевёл взгляд на свои брюки, где на одной из штанин виднелось небольшое пятно от чая. – К примеру, прачечную.

– Вот вы где. Простите, что вмешиваюсь. Я услышал голоса и…

Они оба повернулись и увидели офицера в мундире, который тихонько вышел из-за угла коттеджа, держа фуражку под мышкой и пышный букет полевых цветов в правой руке. Понадобилось мгновение, чтобы Нора его узнала.

– Лейтенант… – Имя где-то затерялось. Прошло целых три недели с того дня, как она повстречала молодого солдата. – Бут?

– Да. Джеймс Бут. – На миг он растерялся, потом переложил цветы в левую руку и протянул правую Россу, который встал и принял её, представившись.

– Не хочу вам мешать, – сказал Бут, переводя взгляд с Росса на мисс Пиллбоди, хотя на неё он смотрел чуточку дольше. Нора вспомнила, как он оценивающе рассматривал её в тот раз, в школе. Выходит, ему понравилось увиденное? Потому и цветы?

– Что вы, я как раз собирался уходить, – сказал Росс и подмигнул. – Разве что они для меня?

Он кивком указал на цветы, и англичанин слегка покраснел. Росс улыбнулся.

– Я так и думал. – Он забрал свою шляпу-канотье, надел на голову и коснулся полей. – Хорошего дня. Мисс Пиллбоди. Лейтенант. – Он двинулся прочь, сунув руки в карманы и насвистывая беспечную мелодию.

Когда американец скрылся из вида, Бут вручил цветы.

– Спасибо, – сказала мисс Пиллбоди. – Пусть даже при нашей последней встрече вы угрожали мне расстрелом.

Он провёл пальцем за воротником.

– Да, и мне жаль, что так вышло. Мы должны были попытаться справиться с… э-э… трудной ситуацией. Я принёс цветы в качестве извинения.

– Останетесь на чай?

– Может, стакан воды? Я приехал на велосипеде. Упарился совсем.

– Не сомневаюсь, – сказала она. – Но что же вас сюда привело, лейтенант? Неужели только желание вручить мне цветы?

– Ну нет. Это в каком-то смысле дополнительная миссия, связанная с теми, кто остался на границах, хм, запретной зоны. Меня попросили узнать, хорошо ли с вами обращаются. Вы должны были получить компенсацию за свою работу.

– Пока что ни пенни.

– В самом деле? – Он нахмурился со всей возможной суровостью, чтобы продемонстрировать своё недовольство. – Это недопустимо.

«Весьма недостоверная версия, – подумала она, – но может оказаться правдой». Только из-за того, что двое мужчин заявились в гости в один день, не стоит воспарять в облака.

– Пока что комитет образования платит мне половину жалованья. И я занимаюсь репетиторством с некоторыми детьми из тех, кого не депортировали…

– Переселили.

Она взмахнула рукой, раздражённая его словесными играми.

– Называйте как хотите. В любом случае, их куда-то увезли.

– По очень весомой причине.

– Так вы заявляете. Но это невозможно проверить, верно?

– Нет, пока что невозможно. Однако это дело государственной важности, мисс Пиллбоди, и, кажется, в прошлый раз я об этом сказал. Идёт война. Следует ожидать некоторых неудобств. – Бут снова повёл себя как тот язвительный офицер разведки, которого она обнаружила в своей классной комнате. Он перевёл дух. – И всё же я беспокоюсь из-за вашего жалованья. У нас уже было несколько похожих случаев. Фермерам не выплатили компенсацию и так далее. Я с этим разберусь.

– Спасибо. Я принесу воды.

– Буду весьма благодарен. Ещё кое-что.

– Да?

– Чем занимается ваш американский друг? Росс, верно? Я хочу сказать, он же не сельский житель, так? Одежда неподходящая.

– Он пишет книгу. – Стоит ли упоминать о журналистском прошлом? «Лучше нет», – решила она. – Я за водой.

Во второй раз за день мисс Пиллбоди изучала посетителя-мужчину через кухонное окно, ожидая, пока трубы закончат дёргаться и стонать, и из них пойдёт более чистая вода. Этот был в той же степени привлекательным, что и американец, пусть и отличался внешне, но его черты исказила хмурая гримаса, свидетельствовавшая о явном внутреннем беспокойстве. Ещё он грыз уголок ногтя.

Неужели Джеймс Бут в самом деле явился сюда, потому что его тревожит её финансовое положение? Маловероятно. По правде говоря, в округе было маловато одиноких жен-

щин определённого класса, так что, наверное, такие мужчины рано или поздно отыскали бы путь к её порогу.

«Не переусердствуй с размышлениями, – велела она самой себе. – Что бы ни было на уме у этих мужчин, расслабься и наслаждайся вниманием. Долго это не продлится. Как всегда».

Восемь

Койл повёз их из госпиталя в город, ведя большой «Дизи»[31] с открытым верхом умело и легко. Гибсон сидел сзади вместе с Ватсоном. Сбитый с толку майор понимал, что бессмысленно задавать вопросы двум шпионам. Всё прояснится в свой черёд. Они позволили ему завершить лекцию и распорядиться, чтобы Фэйрли вернулся в свою комнату в госпитале Вандсворт, где капитана перевели в менее изолированное крыло.

– Надо будет позже заехать к вам домой, майор. Мы попросили экономку собрать вам сумку, – сказал Гибсон, когда они пересекли реку у Баттерси.

– Мне также понадобится мой экземпляр «Британского медицинского журнала», – машинально заметил Ватсон. Он прочёл половину замечательной статьи шведского врача о применении диеты для лечения определённых форм анемии, и была ещё одна, о новом антикоагулянте, предназначенном для использования во время переливания крови, которую он даже не начал читать. Медицинская наука безудержным галопом неслась в новые области, подстёгиваемая ужасными военными потерями, и потому Ватсон испытывал необходимость быть в курсе последних открытий. – И мой медицинский набор «Эмпайр». В письме о нём говорилось особо.

– Разумеется. Но сначала надо заглянуть в Мейфэр[32].

– Мейфэр? С каких это пор Шерлок Холмс обитает в Мейфэре?

Гибсон не ответил.

– Полагаю, надолго мы там не задержимся и сможем отправиться в путь, – сказал Койл.

– И на сколько же дней мне надо паковать вещи?

– На столько, на сколько понадобится, майор. – Гибсон подмигнул Ватсону, просто чтобы продемонстрировать, что в его уклончивости нет ничего личного.

Вообще-то Ватсону нравился круглолицый бывший минёр. А вот свыкнуться с его нынешней профессией было трудно.

Они теперь ехали по Кингс-роуд, и, поскольку вблизи находились казармы, на улице было много солдат. Возле казарм герцога Йоркского расположился духовой оркестр из ветеранов-инвалидов, и Ватсон поразился тому, с какой сноровкой искалеченные мужчины играли на своих инструментах. Группа музыкантов, известная под названием «Презренные новички»[33], включала Джека Тайлера, однорукого тромбониста, которому инструмент купили читатели «Дейли мейл». У него, по крайней мере, было хоть какое-то будущее, поскольку из обретённой славы можно было извлечь выгоду в мюзик-холлах и театрах варьете.

Но слишком многим ампутантам уже пришлось заняться попрошайничеством, пока правительственная машина разрабатывала планы выплаты пенсий. Ватсон вместе с сотнями других докторов пытался продавить в Адмиралтействе, госпитале Челси и Военном совете решение о признании военных неврозов или неврастений травмами, полученными на полях сражений. Пока что им обещали, что предполагаемое министерство по делам пенсий в будущем благосклонно отнесётся к таким заявкам. Однако обещаниями семьи не накормишь.

Ватсон повернулся к Койлу, чтобы с ним поговорить, как вдруг услышал за своим плечом громкий хлопок. Чёрное ландо из тех, что он не видел вот уже несколько лет, появилось

---

[31] *«Дизи»*, или *«Сиддли-Дизи»* (*Deasy; Siddeley-Deasy*), – британский производитель автомобилей, прекративший своё существование в 1919 г.

[32] *Мейфэр* – респектабельный район Лондона (в описываемый период).

[33] Название оркестра обыгрывает прозвище «презренные старички» (Old Contemptibles), которым ветераны британской регулярной армии называли самих себя в связи с приказом, который якобы отдал Вильгельм II в начале войны, требуя ««безжалостно истребить… коварных англичан и смести эту презренную шайку генерала Френча».

рядом с ними, гладкие лошади были в опасной близости от капота «Дизи», а ступицы колёс превратились в размытые пятна, когда отполированный корпус кареты поравнялся с машиной.

Гибсон прыгнул на Ватсона, обхватив его руками за голову и плечи. Ватсон отпихнул агента, а потом сообразил, что тот пытается сделать, и позволил увлечь себя вниз, в пространство между сиденьями. Койл что-то кричал, и Ватсон почувствовал, как машина дёрнулась и заехала на тротуар. Она содрогнулась и замерла.

Ватсон посмотрел на Гибсона, чьё лицо было в дюймах от его лица. Дыхание тайного агента пахло мятой.

– Вам не кажется, Гибсон, что это немного преждевременно? – спросил Ватсон.

Шпион сел на своё место, и Ватсон увидел, что он вытащил из-под полы куртки серьёзного вида револьвер.

– Простите, майор, – сказал Гибсон, рывком его подымая и поправляя лацканы.

Койл был рядом с машиной, с заводной ручкой в руке. Он двигался вприпрыжку и озирался, готовый отреагировать на любое изменение обстановки. Пешеходы его игнорировали. Машины оставались для большинства людей непредсказуемой помехой, и у множества шофёров были проблемы с пониманием того, где заканчивалась дорога и начинался тротуар. К Койлу, как догадывался Ватсон, это не относилось. Ирландец совершил экстренный защитный манёвр.

Дорожное движение вокруг них возобновилось. Ландо скрылось из вида.

– Ложная тревога, – сказал Гибсон с кривой улыбкой. – Все немного дёрганые – то одно, то другое.

Ватсон не стал спрашивать, что это могло быть за «одно» и уж тем более «другое». Он поднял свою шляпу и поправил сюртук, стараясь не показывать обеспокоенности. Опыт подсказывал, что, когда люди вроде Койла и Гибсона становились дёрганными, обычно происходило то, из-за чего стоило дёргаться.

* * *

Они поехали по Маунт-стрит, и Ватсон спросил себя, не везут ли его в отель «Кобург», однако «Дизи» проехал мимо величественного переднего фасада, и швейцар проследил за ним взглядом, явно разочарованный тем, что столь внушительное транспортное средство не завернуло ко входу, чтобы высадить гостей. В конце концов они припарковались неподалёку от «Джеймс Пёрде и сыновья»[34], на углу Саут-Одли-стрит. В витрине всё ещё оставалась пара дробовиков, украшенных замысловатыми резными узорами, и несколько красиво изготовленных охотничьих винтовок, а также все приспособления, которые требовались для хорошего выстрела, но Ватсон знал, что бóльшая часть экспертного потенциала компании использовалась военным ведомством, чтобы создавать новые виды оружия для полей сражений во Фландрии. Фазанам, куропаткам, оленям, тиграм и слонам придётся подождать. Дичью для «Пёрде» теперь стали немцы.

Койл, всё ещё напряжённый, выключил мотор, и «Дизи», содрогнувшись, замер. Ирландец выскользнул из водительской двери, окинул взглядом улицу в оба конца и лишь потом жестом велел Ватсону выйти из задней части машины.

– Всё в порядке, Койл? – спросил доктор.

---

[34] *«Джеймс Пёрде и сыновья» (James Purdey & Sons)* – знаменитая британская фирма-производитель охотничьих ружей, основанная в 1814 г. Транскрипция фамилии Purdey как «Пёрде» прижилась в печати и профессиональной охотничьей среде.

– Будет, как только мы отсюда уберёмся. – Шпион улыбнулся, и Ватсон заметил, что с их последней встречи он обзавёлся сколом на переднем зубе. Его лицо также покрывали более глубокие морщины, складки залегли вокруг рта, а веснушки побледнели, словно выцвели. – Но сейчас всё кажется достаточно спокойным. Вам пора, майор.

Койл остался рядом с машиной, а Гибсон повёл Ватсона обратно по Маунт-стрит, мимо множества магазинчиков, старавшихся перещеголять друг друга витринами с цветочными узорами, пока они не достигли недавно построенного жилого дома. Гибсон позвонил, и консьерж их впустил. Ватсон обратил внимание на то, что консьерж был молодым, призывного возраста. Необычно. Не было признаков какой-то инвалидности, которая могла бы освободить его от службы в армии. И он как будто знал Гибсона. Ещё один шпион Келла?

Пока они ехали в лифте на последний этаж, Ватсон заметил:

– Койл на взводе.

Гибсон кивнул.

– Он мне таким нравится.

Бывший инженер также изменился после их первой встречи в 1914 году: он как будто стал мрачнее, и жизнь его за эти два года потрепала. Они познакомились, когда оказались вовлечены в замысловатую уловку, целью которой было выманить немецкого шпиона. Существовал также параллельный обман, затеянный Шерлоком Холмсом, чтобы попытаться удержать Ватсона подальше от армии и вне опасности. Это привело к размолвке между двумя старыми друзьями, хотя теперь Ватсон признавал, что Холмс действовал из лучших побуждений.

– Чем вы занимались? – спросил он у тайного агента.

Гибсон бросил на доктора взгляд, говоривший «уж вы-то в курсе, что об этом не спрашивают». Потом он расслабился.

– Большей частью допрашивали или выслеживали чужаков.

– Искали шпионов под кроватью?

– Это не так уж увлекательно. – Гибсон рассмеялся. – Значительное большинство из них – совершенно невиновные жертвы клеветы, причиной которой стала ревность или подозрительность соседей. Но у Койла есть чутьё, позволяющее отделять зёрна от плевел – то есть истинных немецких агентов от предполагаемых.

– Я заметил, с нашей последней встречи он побывал у дантиста. – Ватсон указал на свой передний зуб.

Гибсон снова рассмеялся.

– Да. Дантист использовал рукоять револьвера.

– Нетрадиционный подход.

– Не переживайте. Койл аннулировал его патент на врачебную практику.

Пока Ватсон гадал, что бы это значило, лифт резко остановился и зазвенел колокольчик. Доктор потянулся к калитке, но тут Гибсон схватил его за запястье:

– У дантиста был друг по имени Кейсмент.

Роджер Кейсмент[35] играл важную роль в поставке купленного в Германии русского оружия для пасхального восстания в Дублине[36]. Его арестовали в Ирландии – предположительно, Койл был там – и повесили в Тауэре за измену всего одиннадцать дней назад[37].

---

[35] *Роджер Кейсмент* – британский дипломат, удостоенный рыцарского звания, а также деятель ирландского национально-освободительного движения. Был арестован по обвинению в государственной измене, саботаже и шпионаже против британской короны. Оружие, о котором вспоминает Ватсон, к ирландским повстанцам так и не попало, поскольку перевозившее его немецкое грузовое судно было перехвачено британцами. Примечателен тот факт, что во время суда над Кейсментом о снисхождении к нему ходатайствовали некоторые писатели, среди которых был и Артур Конан Дойл.

[36] *Пасхальное восстание* – вооружённое восстание, организованное в Ирландии 24–30 апреля 1916 г.

[37] На самом деле не в Тауэре, а в тюрьме Пентонвиль.

– Койл участвовал в задержании Кейсмента?

Кивок.

– С той поры он не в ладах со своей совестью. Как любой, у кого ещё остались друзья и родственники среди революционеров.

– Правда?

– Любого ирландца от фения[38] отделяют какие-то две степени родства.

– Но сам-то он надёжен? – спросил Ватсон.

Этот вопрос вызвал у Гибсона раздражение.

– Безупречен, майор. Даже не думайте в нём сомневаться. А дальше я с вами не пойду.

– Не пойдёте? Почему?

Гибсон шагнул ближе.

– Дело в том, что мы с Койлом за последние два года по самую шею увязли в секретах и немалом количестве лжи. Но в то, что происходит здесь и сейчас, меня не посвятили. Лишь приказали доставить вас и удалиться. Так что я подожду внизу. – Инженеру не очень-то нравилось происходящее.

– Ладно, – ответил Ватсон.

– Я слишком много болтаю. Наверное, теряю хватку. Я лишь хочу сказать, майор, будьте осторожны.

– Почему?

Гибсон отпустил запястье доктора.

– Койл не обратил внимание на то ландо на Кингс-роуд. По правде говоря, я тоже.

– Вы сказали, это была ложная тревога.

Теперь Гибсон ухмыльнулся, и Ватсон увидел в его чертах проблески прежнего лукавства.

– Ну что, пойдём и проверим, есть ли кто дома?

Он открыл металлическую калитку, и они вышли в коридор, декорированный в кремово-золотых тонах, с толстым красным ковром на полу и приглушёнными электрическими лампами на стенах. В коридоре было три двери. Гибсон постучался в номер 11 и замер перед дверным глазком.

– Вы тут уже были? – спросил Ватсон.

– Один или два раза.

По другую сторону звякнула цепочка, и дверь открылась. На них повеяло дымом, к которому примешивался запах бренди.

– Сэр, майор Ватсон, как было приказано, – сказал Гибсон человеку перед собой. – Я буду внизу, когда вы закончите, чтобы повезти его дальше.

Если обитатель квартиры и узнал Гибсона, Ватсон этого не заметил. Уинстон Черчилль просто схватил его за запястье и почти что затащил в квартиру, после чего захлопнул дверь у майора за спиной.

[38] *Фении* – члены тайного Ирландского республиканского братства, мелкобуржуазные революционеры-республиканцы, действовавшие во второй половине XIX – начале XX века.

Девять

Мисс Пиллбоди увидела американца в тот же день, позже, когда сидела за своим мольбертом в вечерней тени. Он был одет уже не так броско, отдав предпочтение тёмному спортивному пиджаку и серым широким брюкам. Он насвистывал мелодию; на голове у него была бледно-жёлтая фетровая шляпа, под мышкой – книга.

– Мисс Пиллбоди, – сказал он, останавливаясь у её калитки и приподнимая шляпу. – Как прошла ваша встреча с тем солдатом? Уж не понадобился ли ему ваш коттедж?

– Нет. Просто кое-какие бюрократические вопросы.

– Держу пари, все парни так говорят.

Она бросила на него резкий взгляд.

– Простите. Это было грубо.

– Нет, ничего подобного. Просто осталось не так уж много парней, чтобы говорить подобное.

– Да, видимо, так. Теперь здесь только дети, старики и мы, иностранцы. Вы позволите? – Он указал на её рисунок.

– Просто коротаю время, – скромно проговорила мисс Пиллбоди.

Он вошёл в калитку и встал у неё за плечом.

– Не говорите чепухи. У вас хорошее чувство перспективы.

– Что вы читаете? – спросила она, надеясь отвлечь его внимание от своего румянца.

– А-а. Это. – Он вытащил том из-под мышки. – Таркингтон. Роман под названием «Семнадцать»[39].

– О чём?

– Он легкомысленный. О первой любви одного юноши.

– Американский?

– Очень.

– Подождите здесь, мистер Росс.

Мисс Пиллбоди вошла в дом и окинула торопливым взглядом свой книжный шкаф. Троллоп? Нет. Диккенс? Лучше. Может быть, Бакен. В конце концов она выбрала «Кима». Киплинг ещё никого не подводил.

Она вернулась наружу и вручила гостю книгу:

– Если вы собираетесь писать о Великобритании, Киплинг – более подходящее чтиво.

– О, благодарю вас. – Он взял книгу и сложил её вместе с первой. – Я собираюсь отыскать деревенский паб. Возможно, вы могли бы…

Она энергично затрясла головой:

– Нет. Разумеется, нет. Никаких женщин. По крайней мере уважаемых женщин. – Она улыбнулась. – В Тетфорде есть отель, где леди могут выпить шерри, не рискуя порвать все связи с обществом.

– Я это запомню. Есть ещё что-то, что я должен знать? О местных?

– Ну, мужская часть населения немного бесцеремонна. Вы вызовете у них подозрения.

– Потому что я американец?

– Нет. Потому что вы не местный. Нет нужды приезжать из Америки, чтобы сделаться чужаком. Для этого и пяти миль по дороге достаточно.

– Я надеялся узнать об их отношении к войне. Непредвзято и не по-столичному.

– Боюсь, они будут очень сдержанны.

---

[39] Роман американского писателя Бута Таркингтона «Семнадцать» (Seventeen) публиковался отдельными частями в 1914 году в журнале «Метрополитен Мэгэзин», а в 1916 году вышел отдельной книгой и стал бестселлером в США.

Росс поразмыслил над этим:

– А если я куплю им выпить?

Она приподняла бровь:

– Покупать другим людям выпивку в пабах противозаконно.

– Что? – Об этом правиле он не слыхал.

– Это правда. Хоть все здесь нарушают закон. Но, согласно положениям, действующим в чрезвычайных ситуациях, покупать спиртные напитки другим людям запрещено. Это чтобы предотвратить злоупотребление ими. Если решитесь, соблюдайте осторожность. Поговорите с мистером Саттоном. Фредериком Саттоном. Он землевладелец. Я учу его дочь Лотти. Он неплохой человек.

– Спасибо за совет, мисс Пиллбоди.

– Нора, – сказала она и почувствовала неловкость, когда собственное имя сорвалось с губ.

– Нора. Возможно, я расскажу вам о своих приключениях в «Сохе».

Она кивнула.

– Мне бы этого хотелось, мистер Росс.

– Брэдли. Вообще-то давайте сразу перейдём к Брэду. Можно?

– Думаю, да, – тихонько проговорила она. – Брэд.

– Славненько.

Мисс Пиллбоди проследила, как он уходит прочь по дорожке, насвистывая, и велела своему колотящемуся сердцу не быть таким глупым, а просто взять да и успокоиться. Красавчики-американцы в её планы не входили.

«Но этот может и войти», – подумала она.

Лейтенант Бут сидел в своём кабинете – бывшем домике лесника, чью жилую комнату освободили от мебели, взамен разместив в ней стол, кресло, сейф и граммофон, – и думал про мисс Пиллбоди и мистера Брэдли Росса. Каковы шансы того, что писатель объявится у границы самого деликатного охраняемого объекта в Соединённом Королевстве? А потом отправится беседовать с дамами из посёлка – возможно, в поисках слухов. И какой писатель? Мисс Пиллбоди сказала, он работает над «книгой».

Бут послал запрос по поводу Росса в Лондон и ожидал ответа в течение двадцати четырёх часов. Нынче отслеживать иностранцев было нетрудно. Большинству в какой-то момент приходилось беседовать с Особым подразделением или МИ-5. То, что Росс – американский гражданин, могло и впрямь усложнить для Бута его устранение, если придётся о таком приказывать, но защита королевства превыше всего. Он не хотел, чтобы любопытный янки шнырял по лесу.

Впрочем, там мало что можно было обнаружить. Большую часть работы приостановили после… Инцидента. Так это теперь называли официально: Инцидент. Восемь жертв, семь из них – покойники. Только один выживший. И он не говорит. Может никогда не заговорить, судя по состоянию бедолаги.

В конечном итоге Суинтон – подполковник, руководивший лагерем, – сумел избежать губительного мятежа, заверив своих людей, что всё приостановлено до тех пор, пока не будет определена причина смертей. Так что на данный момент вокруг была тишина, если не принимать во внимание регулярное техобслуживание, – обычно маленький коттедж трясло днём и ночью, а пение птиц заглушал ритмичный гул тяжёлых машин.

Но что подумает Росс, когда шумы возобновятся? Бут поднял взгляд на карту на стене, где эвакуированная зона была обозначена красным. Возможно, им стоило очистить и Снэрволд с прочими посёлками. Всё в пределах слышимости.

А как быть с мисс Пиллбоди?

Ну она как раз не представляла угрозы. Вообще-то от неё могла быть и кое-какая польза. В лагере было чрезвычайно мало развлечений. Теперь, когда граф переселился в Гайд-Парк-Корнер и забрал с собой семью вместе с большей частью слуг, из женщин остались только экономка, повариха и четыре горничные – всем было запрещено покидать поместье без сопровождения, – да ещё была медсестра, хоть и привлекательная, но сильно старше тридцати. К тому же, по всеобщему признанию, настоящий кремень.

Мисс Пиллбоди была не лишена привлекательности, и он не сомневался, что в ней есть не только то, что бросается в глаза. Безмятежный облик, как подозревал Бут, скрывал натуру более яркую. Она была точно шоколадная конфета с ликёром, чей заурядный внешний вид таит острый сюрприз. Он это почувствовал в школе. Потому и отправился к ней с цветами. Он представлял себе, как проводит с ней время, проникая в её суть слой за слоем. Пикник. Велосипедная прогулка. Чай в городе. Шерри в Третфорде. Он был уверен, что ей польстят знаки внимания от офицера на пять, а то и более лет моложе, человека, которого ожидают перспективы, когда эта часть проекта закончится. А он в это время, быть может, сумеет проверить свою догадку о том, что она тигрица, замаскировавшаяся под полосатую кошечку.

Впрочем, дальше летнего флирта дело не пойдёт. В Бате его ждала Салли, младшая дочь местного члена парламента. Она была не так миловидна, как мисс Пиллбоди, но представляла собой куда более подходящую пару, по крайней мере, в социальном смысле. Но его работа здесь закончится не раньше, чем через несколько месяцев, и на протяжении этого времени ему нужно немного отвлечься. Бут знал, что при необходимости может пускать в ход мягкое очарование: как раз это и помогло ему сделаться офицером разведки в Тяжёлом подразделении. Это, а ещё его отец, который был одним из авторов правительственной Военной книги, которая в 1910 году в деталях расписала ответные действия страны в любом конфликте, от развёртывания сил до почтовой цензуры.

Он поставил вторую подпись в приказе, лежавшем на столе, отправив одного из людей – который трижды пытался покинуть лагерь без разрешения – в «безопасное и надёжное место», где его должны были содержать отрезанным от внешнего мира, пока секрет Элведена не перестанет быть таковым.

Часы пробили семь, и Бут понял, что проголодался. Он сложил бумаги, запер в сейфе и приготовился покинуть свой кабинет. Раздался стук в дверь, и один из капралов-связных вручил ему телеграмму. Он думал, она будет о Россе, но оказалось, что отправителем был комитет снабжения из Военного министерства.

– Полковник Суинтон видел эту новость? – спросил Бут капрала.

– Нет, сэр. Вы велели сначала показывать все сообщения от этого отправителя вам.

– Да. Молодец. – У Бута урчало в животе, но с ужином придётся повременить. Как и с размышлениями по поводу Росса и мисс Пиллбоди. Теперь лишь одно имело значение.

«Какую чёртову игру затеял Уинстон Черчилль?»

Десять

Черчилль провёл Ватсона в длинную гостиную, в которой даже по меркам Короля-Солнце имелся некоторый переизбыток позолоченных приспособлений и принадлежностей: ветвистую люстру словно выкрали из какого-нибудь шато, её пропорции были слишком велики для такого помещения; кушетка блистала золотой вышивкой и кистями; столик с мраморной столешницей опирался на замысловатые кованые ножки. «Уродство», – подумал Ватсон.

– О, это место мне не принадлежит, – со смехом проговорил Черчилль, заметив, как Ватсон разглядывает красные шторы, украшенные фестонами. – Тут как в проклятом борделе. Хозяин здесь Гарри Клиффорд; он позволяет мне вести здесь дела, которыми нельзя заниматься на публике.

Потом Черчилль увидел, что Ватсон с восхищением смотрит на большую картину, изображавшую парусник в бурном море, умудрившийся каким-то образом дать бортовой залп.

– Корабль называется «Бич порока», – сказал Черчилль. – Принадлежал графу Камберленду. Художник прибегнул к некоторой доле условности: полагаю, при таком волнении на море можно попасть только пальцем в небо. Но «Бич» был самым большим кораблём, который построили в Англии в тот период. Тридцать восемь пушек. Он вселял ужас во врага. Клиффорд, граф, был капером, разумеется, но он задал испанцам жару на Карибах[40]. Выпить не желаете?

Не дожидаясь ответа, политик налил два стакана вермута из графина на пристенном столике и вручил один Ватсону.

Доктор взял стакан, но не стал пить. Капер. Да, он понимал, почему Черчилль благосклонно отзывался о хозяине «Бича» – человеке, который работал на свою страну, но не играл согласно установленным правилам.

– Разве Клиффорд не сколотил состояние за счёт каперской деятельности? – спросил Ватсон.

– И всё потерял на скачках и турнирах, – ответил Черчилль. – Не стоит заводить аналогию слишком далеко, верно? Однако она имеет значение в одном аспекте. Мы намереваемся вселить во врагов такой ужас, о коем они до сих пор и помыслить не могли. Потому-то вы и здесь, Ватсон. Итак, я извиняюсь за все ухищрения…

– Сначала я хочу задать один вопрос.

Черчилль, который уже набрал воздуха в грудь, готовый разразиться одной из своих легендарных речей, пусть и перед аудиторией из одного человека, прищурился.

– И какой же?

Ватсон вытащил из внутреннего кармана петицию от Холмса.

– Зачем вы послали мне письмо, которое якобы написал Шерлок Холмс? – спросил он, не в силах убрать из голоса гневные ноты.

– Якобы? – сдержанно повторил Черчилль.

Ватсон протянул ему бумагу:

– Мистер Черчилль, это вопиющая подделка.

Донал Койл знал, что его дни в качестве агента британской короны сочтены. Он всегда был в бюро аномалией, затесавшейся в ряды дворнягой, потому что ни один достопочтен-

[40] Джордж Клиффорд, третий граф Камберленд (1558–1605), использовал «Бич порока» (Scourge of Malice) в качестве флагманского корабля во время рейдов в Испанском Мэйне в 1959–1598 гг.

ный джентльмен не стал бы шпионом по собственной воле. В БСС/МИ-5 брали всех подряд, даже разочаровавшихся фениев. Но то время подошло к концу. Джентльмены теперь охотно принимались за любые секретные дела ради защиты королевства. А с учётом событий, развернувшихся в Ирландии, он выглядел подозрительней обычного попросту из-за акцента.

Койл знал, кому он хранит верность. Ну, большей частью, своему другу Гарри Гибсону, а также подразделению, которое его приютило. Но вот Англии?

Он уже не был в этом так уверен.

Ирландец зажёг сигарету и прислонился к стене неподалёку от магазина «Пёрде», рядом с задней частью припаркованного «Дизи». Он выделялся на этих улицах из-за своего костюма из грубой ткани и дешёвой шляпы. Шпионы редко работали в Мейфэре. Он был одет для дна. Там у него лучше всего получалось справляться с работой. Были другие, вроде Лэнгдейла Пайка, кто патрулировал высшие слои общества для Келла и компании.

Разумеется, не только восстание вынудило его переоценить своё положение. Имелось ещё письмо от матушки, присланное через безопасный почтовый ящик, которым пользовалась секретная служба, и в нём говорилось о том, что зрение её покидает: «Пришлось попросить Мэри Кофлэн прочитать мне твоё последнее послание. Говорят, всё дело в катаракте…»

Возможно, блудный сын должен вернуться и помочь, проверить, можно ли что-нибудь сделать. Его брат был в Америке, сестра вышла замуж и уехала в Корк, и теперь мать зависела от соседей вроде Мэри Кофлэн. Катаракта. Должно быть, мир вокруг неё погружается в туман.

Койл рассматривал улицу, удостаивая небрежным взглядом каждую машину и фургон, что ехали мимо, в то же самое время замечая всех пассажиров. Пока что мимо него никто не проехал дважды. Не то чтобы стоило ждать неприятностей. И именно в такие моменты он их в наибольшей степени ожидал.

Койл был вооружён двумя пистолетами. Большой был за поясом – одним из преимуществ небрежно скроенного пиджака было то, что он скрывал множество грехов, – а второй, маленький револьвер, годный для стрельбы на небольшом расстоянии, был в специальном кожаном приспособлении в носке. Опыт подсказывал, что оттуда можно легче всего и быстрее всего достать пистолет, когда ведёшь машину или едешь в ней пассажиром. Это дважды спасало ему жизнь.

Как он сообщит Гарри новость о своём возвращении в Ирландию? Они провели вместе вот уже четыре года. И у них получилась хорошая команда. Самая старая в БСС. Но Койл решил, что пришла пора отправиться домой и быть со своим народом. Волны, поднятые восстанием, всё ещё распространялись, беспокоя население. Даже те, кто не верил в вооружённое сопротивление, считали последовавшие за восстанием казни проявлением жестокости и деспотии. Возможно, есть способ сделать так, чтобы эти волнения обернулись чем-то более мирным, чем бунт с оружием в руках. Конечно, на родине Койла имелись люди, которые были бы не прочь увидеть его покойником, но он знал, что, по меньшей мере, трое из них сами покинули этот мир. Он пару раз попытался навести справки через дядю Шона, и…

«Четырёхместный чёрный „Шелсли“ с ходовой от „Кроссли“».

Фраза возникла в голове Койла ещё до того, как он осознал, на что смотрит.

За конным фургоном для доставки вдоль улицы полз чёрный четырёхместный «Шелсли» с ходовой от «Кроссли». Очень красивая машина. Ещё и со съёмными колёсными дисками от «Уорленд Дуал». Наверное, модель 25 HP[41]. Три пассажира, ни один не выглядит

[41] *«Шелсли» (Shelsley)* – модель автомобиля от британского производителя «Кроссли Моторз» (Crossley Motors). Фирма «Кроссли» существовала с 1906 по 1958 г. и в период Первой мировой войны была одним из основных поставщиков транспортных средств для британских вооружённых сил. «Уорленд Дуал» (Warland Dual) – фирма, в 1911 году получившая в Великобритании патент на съёмный колёсный диск.

как профессиональный шофёр. Элегантно одеты, у двух тёмные волосы, смазанные средством для укладки, третий белокурый. Из первой пары один в очках.

«Мы их раньше видели, так? Но где? Не здесь, не в Мейфэре.

В госпитале. Когда забирали Ватсона. Тогда их было двое, водитель и пассажир. Блондин. Они успели обзавестись дополнительной парой рук».

Койл мысленным взором изучил сцену, как будто у него в голове работал «Витаскоп»[42]. Такая у него была особенность. «Шелсли» отъехал раньше, чем они с Гибсоном и Ватсоном. Что это значило? Что у незнакомцев не было шанса действовать на месте, – так оно и вышло на самом деле. Ватсон, Койл и Гибсон вышли из госпиталя под прикрытием большой группы медсестёр, которые сменились с дежурства и сопровождали их до самой машины. Если эти люди сели на хвост Койлу по пути и не потеряли его след, они были хороши в своём деле. Чертовски хороши.

Потом, как всегда случалось, когда Койл понимал, что надо действовать, у него начали зудеть большие пальцы. Это было странное ощущение, похожее на покалывание в отмороженных пальцах, которое он испытывал в детстве. И опыт подсказывал, что игнорировать свои большие пальцы не стоит. Койл подождал, пока машина скроется из вида, отлепился от стены и выбросил сигарету в канаву. Бросил взгляд через улицу, на многоквартирный дом, где ждал Гибсон. Надо было предупредить друга, что жизнь Ватсона в опасности.

Пройдя четыре шага, Койл снова бросил взгляд через плечо и увидел, что «Шелсли» повернул и направляется к нему. Он расстегнул пиджак, выкинув из головы все мысли об уходе из Бюро.

[42] *«Витаскоп» (Vitascope)* – один из ранних прототипов кинопроекторов.

Одиннадцать

Уинстон Черчилль едва взглянул на письмо, которое держал Ватсон.

– Вы бы пришли ради чего-то другого?

– Видимо, нет, но вы могли бы сначала хоть попытаться.

– У меня нет времени для попыток, – прорычал парламентарий и, одним глотком допив вермут, отправился за новой порцией. – Как вы узнали, что это подделка? Подпись чертовски хороша. Я велел скопировать её из одного из его писем.

Ватсон вынужденно рассмеялся в ответ на это.

– Давайте сосчитаем. Бумага неправильная. Печатная машинка слишком новая. Построение фраз…

– Ладно-ладно. Избавьте меня от заумного анализа. Оставьте его для своих книг. – Шепелявость Черчилля внезапно оказалась очень заметной. Он вытащил из пепельницы брошенную сигару и снова её раскурил. – Вы теперь здесь. Письмо сыграло свою роль.

– А Холмс?

– Он сложный человек.

Ватсон попытался сделать так, чтобы тревога, которую он ощутил при этих словах, не читалась по его лицу. Вообще-то сам факт того, что Черчилль снизошёл до подделки письма, подсказывал, что Холмс либо нездоров, либо отказывается помочь политику.

– Он очень выдающийся человек.

– Думаю, то же самое говорят обо мне, когда пытаются быть вежливыми. Мы пробовали вовлечь его в несколько проектов, включая этот. В любом случае, нам были нужны вы. Точнее, мне.

– Хотел бы я сказать, что польщён.

Черчилль несколько секунд изучал Ватсона, и лицо у него было напряжённое, словно кулак боксёра.

– До настоящего времени в этой войне было два великих секрета, – начал политик. – Один заключался в том, как забрать солдат с пляжей Галлиполи, чтобы турки не поняли, что происходит. Вышло успешно, если можно назвать успехом отступление, которое последовало за такой бойней. И есть ещё «Бич порока». – Он снова указал на картину. – Мы в каком-то смысле строим собственный «Бич».

– Чтобы вселять ужас, как вы сказали. Это какой-то корабль?

– Почему вы так решили?

– Из-за вашего прошлого. Вы были первым лордом Адмиралтейства.

– Хмм. – На губах Черчилля мелькнула улыбка.

– Я бы предположил, что вы разрабатываете новое оружие, которое перемещается по морю.

– Вы близки к истине. Но пока что я не могу вам рассказать, что оно собой представляет.

– Тогда зачем я здесь? – Ватсон сдался и наконец-то глотнул тёплого вермута.

– У нашего «Бича» случился сбой в работе. Он убил семерых людей. Наших людей. Восьмой выжил. Только он может нам рассказать, что случилось. Пока мы не узнаем наверняка, что произошло, вся работа по устройству приостановлена.

– Каким образом они были убиты?

– Ну сначала их постигло безумие.

– Безумие? – повторил Ватсон.

– Да. Они превратились в помешанных, бормочущих ерунду безумцев. Я точно знаю, что вы сталкивались с подобным раньше. С внезапным, необъяснимым сумасшествием.

– Да, – сказал Ватсон, вспоминая дело в бухте Полду, где коварный Мортимер Тридженнис использовал яд, чтобы убить свою сестру и свести брата с ума.[43]

– Но это нечто совсем иное. Есть доказательства того, что они попытались уничтожить «Бич», испытав нечто вроде… – Черчилль замолк, подыскивая слова: – …Припадка ярости.

– Мог ли это быть саботаж вражеского агента? Если это чудо-оружие и впрямь существует.

– Мог. Но, как я уже сказал, это великая тайна. Любой, кто о ней знает и не принимает активного участия в работе, отправляется в так называемое «безопасное и надёжное» место. Пока кошка не выберется из мешка.

– Меня тоже могут туда отправить?

Черчилль смерил его сердитым взглядом.

– Если бы я вам поведал куда больше, и вы отказались помочь – видимо, да.

Ватсона это оскорбило. Доктор привык, что в вопросах государственной важности ему доверяют. В своё время Майкрофт Холмс рассказывал ему вещи, от которых империя содрогнулась бы.

– Но я бы ничего не рассказал.

Вид у Черчилля сделался раздражённым.

– Возможно. Однако история о нашем короле-двоеженце всплыла, не так ли? Хмм.

Холмс и Ватсон помогли опровергнуть заявление о том, что король Георг V уже был однажды женат вследствие скоротечного романа с дочерью адмирала на Мальте, когда он служил на флоте. В одной журнальной статье было высказано предположение, что брак Георга с принцессой Мэй был бигамным. Защита настаивала, что король никогда не встречался с женщиной, о которой шла речь. Вообще-то имелись доказательства того, что они вместе посещали балы в Гемпшире, но ради блага государства их скрыли. И всё-таки недавно намёки на это утаивание всплыли в одной из самых скандальных газет.

– Это не моих рук дело.

– Надеюсь, Ватсон, – проговорил Черчилль таким тоном, который намекал, что у него есть кое-какие сомнения. – Но, видите ли, природа этого устройства не должна вас беспокоить прямо сейчас. Что от вас требуется, так это вылечить восьмого человека. Он не говорит – не может говорить. Абсолютно утратил дар речи. Как бишь это называется? А-чего-то-там…

– Афазия.

– Именно. Ничто из испробованных методов, от доброты до жестокости, не смогло нарушить его молчания. Во всех смыслах это снарядный шок, в точности как у пациентов, которых вы лечите. Да, я знаю о вашей работе всё.

– Я не один этим занимаюсь, – запротестовал Ватсон. – Есть и другие…

Черчилль яростно затряс головой, его начавшие обвисать щёки заколыхались.

– Коммунисты, пацифисты и гомосексуалы.

– Но ведь не все сразу, сэр?

Черчилль проигнорировал язвительную реплику:

– Меня обвиняют во вмешательстве в проект как таковой. Но кто-то должен всё встряхнуть. Мне нужно, чтобы вы заставили этого человека заговорить, чтобы он рассказал нам о случившемся, и мы сумели вести эту войну дальше.

Ватсон покачал головой:

– Я не могу участвовать в подобном.

Уинстон вперил в него сердитый взгляд.

– Не можете? Или не хотите?

[43] Артур Конан Дойл описал это дело в рассказе «Дьяволова нога» (1910).

– Вы видели, какие условия там, на фронте. То, к чему мы принуждаем своих солдат, бесчеловечно. Да, я занимаюсь теми, кто испытал снарядный шок. И знаете, чему это меня научило? Тому, что людей можно ломать, как хворост. И мы ломаем их тысячами. Это чудесное оружие – оно на самом деле сократит войну? Или умножит отчаяние? – Черчилль хотел что-то сказать, но Ватсон взмахнул рукой, не давая ему заговорить. – Газ был предназначен для того, чтобы выйти из тупика, помните? Новые снаряды были предназначены для того, чтобы выбить немцев из их бункеров. Вы ведь и это помните? Война закончится лишь тогда, когда люди вроде вас опомнятся и начнут договариваться о мире.

– Мне не нужны лекции о ведении войны от вас, майор, – прорычал Черчилль, враждебно выпятив челюсть. – Я каждый день считаю мертвецов, и легче мне не становится. А то, что вы говорите, в опасной степени похоже на пацифизм.

– Здравый смысл.

– Это вы так считаете. А я искренне полагаю, что новое оружие сократит войну. Даю вам слово.

– Даёте слово, что полагаете, будто оно позволит быстро прекратить военные действия? Вы в этом совершенно уверены?

Черчилль фыркнул:

– Разумеется, нет. Какие могут быть гарантии во время войны?

– Я вижу всё больше сломленных людей, – сказал Ватсон, – с обеих сторон. Я не стану в этом участвовать.

Черчилль проговорил, рассматривая свои ботинки:

– Держу пари, вы всё же не бросите одного сломленного человека.

Ватсон почувствовал, как внутри вспыхнуло пламя гнева. Резервуар остаточной благожелательности, которую он испытывал к парламентарию, опустел, словно кто-то вытащил затычку. Доктор предвидел, что вот-вот произойдёт, но всё равно спросил:

– Что вы хотите этим сказать?

Черчилль снял с кончика языка несколько табачных волокон:

– Холмса пришлось задержать, ради его же безопасности.

– Задержать? – От омерзения Ватсон едва не закричал. – Где он? И почему? У него не всё в порядке со здоровьем.

– Я наслышан. Как бы там ни было, он под арестом и останется там, пока мы не пустим наше оружие в ход. Чем дольше вы будете медлить…

– Так вы меня шантажируете? – выпалил Ватсон. – Здоровьем старика, который исправно служил своей стране.

Черчилль поразмыслил над этим:

– Видимо, да. Ради высшего блага.

Ватсон издал пренебрежительный возглас:

– Война вроде этой попросту не может быть высшим благом.

– Сэр! – рявкнул Черчилль. – На кону свобода этой страны и весь наш образ жизни! А вы тревожитесь из-за нескольких трусливых солдат. Да, я позволю Холмсу сгнить, а также вам и половине Лондона, будь он проклят, если это понадобится для нанесения решающего удара.

Лицо у парламентария заметно побагровело. Ватсон подумал, что у него может случиться сердечный приступ. Часть его желала, чтобы это произошло. Ватсон перевёл дух и проговорил как можно спокойнее:

– Освободите Холмса, и я вам помогу.

– Я похож на дурака? – парировал Черчилль. – Что тогда будет вашим стимулом? Докопайтесь до сути, и я скажу вам, где он. Сами его заберёте.

– А если я не сумею разгадать загадку?

– Думаю, мы перейдём этот мост, когда доберёмся до него. – Черчилль ощутил преимущество, и его атака перешла в завершающую фазу: – Но я не совершаю необдуманных поступков. Сделайте это для меня, майор, и я обещаю больше никогда не вмешиваться в вашу жизнь.

Часы тикали, пока Ватсон обдумывал варианты. Он чувствовал себя шахматной фигурой, которой перекрыли путь во всех направлениях.

– Я буду доктором или детективом? – спросил Ватсон наконец.

На губах Черчилля появилась лукавая улыбка, которую Ватсону захотелось стереть с его лица.

– Когда-то вы были и тем и другим.

Холмс качал головой, сталкиваясь с этим заблуждением по поводу его роли в партнёрстве.

– У них там есть собственный врач в этом… заведении?

– Их военврач – один из покойников, – проворчал Черчилль. – Отправился вместе со всеми, чтобы изучить условия в… – Парламентарий осёкся. – Он умер последним. Они привлекли других врачей, но пока что никто не выдвинул правдоподобной теории. Доктора в растерянности, а единственный свидетель нем как рыба. Так что, как видите, требуется особый набор навыков. Ваших навыков, Ватсон.

– Когда всё это случилось?

– Неделю назад.

– Неделю?

– Да. Время поджимает. Сколько вам обычно требуется? – спросил Черчилль. – На исцеление этих типов?

«Этих типов». Черчилль, как столь многие командиры, не понимал, что происходило с пострадавшими. Несомненно, он тоже думал, что их недуг – следствие недостаточной твёрдости характера. Даже слово «исцеление» было неверным. Нельзя было избавить их от пережитого: лишь научить с ним жить так, чтобы оно больше их не разрушало.

– Если исходить из предположения, что у него какая-то боевая травма? Каждый случай индивидуален. Четыре недели…

– У вас пять дней, – сказал Черчилль тоном, не допускающим возражений. – Я слышал, вы сотворили чудеса с этим Фэйрли.

– Это другое – в том смысле, что я мог опираться на наши предшествовавшие отношения. Вы не можете ограничивать такие вещи временными рамками, – сказал Ватсон.

Черчилль махнул сигарой:

– Могу. Приходится. Существует график. Через пять дней работа возобновится несмотря ни на что. Если придётся, под дулом пистолета. И, Ватсон, меня не волнуют чувства этого немого. Понимаете? Заставьте его рассказать о том дне любым способом.

– А мертвецы? У меня будет доступ к телам? – спросил Ватсон.

– Пусть мертвецы подождут, – проворчал Черчилль. – По крайней мере пока вы не разговорите живого.

– В некоторых случаях мертвецы могут сказать больше, чем живые.

– Уверен, вы сможете тыкать и щупать трупы в своё удовольствие, если сочтёте, что это поможет. Лично мне кажется, что нам необходимо свидетельство выжившего. Вы знаете Суффолк?

– Не очень.

– Мы реквизировали поместье: работа ведётся там. Неподалёку от аэродрома КЛК в Тетфорде. Вы туда и полетите…

Желудок Ватсона кувыркнулся, словно его скинули с обрыва.

– Я бы предпочёл не летать.

– Понимаю, – сказал Черчилль, который отлично знал, что жена Ватсона погибла в воздухоплавательной аварии, хотя сам политик отличался сильной верой в аппараты тяжелее воздуха, пусть даже и оказался недостаточно умелым пилотом. – Но, как уже было сказано, время поджимает. Вас проинструктирует тип по фамилии Суинтон.

– Эрнест Суинтон[44]? Писатель? – Ватсон был знаком с его трудами, опубликованными до конфликта – то были лихие ура-патриотические приключения, – и с его военной публицистикой.

Черчилль кивнул:

– Разумеется, вы его знаете. Собрат-писака. Да, тот самый Суинтон. Он полковник, ответственный за установку.

Ватсон сделал ещё глоток вермута, а потом – в большей степени для того, чтобы убить время, – подошёл к столику и налил себе бренди.

– У меня есть выбор в этом вопросе?

Черчилль улыбнулся. Улыбка никоим образом не утешала.

– Никакого.

– И вы не расскажете мне, в чём природа оружия?

– Нет. Когда вы доберётесь до места, там вас проинструктируют.

– Но вы же знаете наши методы. – Употреблять местоимение во множественном числе было нахальством, но Черчилль должен был осознать, что Холмс предпочитал разобраться во всех деталях расследования, делая это, как правило, в гостиной на Бейкер-стрит, 221-Б, и лишь затем пускался в путь. – Хоть какую-то подоплёку вы, несомненно, вправе сообщить?

– Вы всё узнаете на месте, – упрямо сказал Черчилль. – Если только не хотите провести несколько месяцев с вашим старым другом на клочке земли в Северном море, в ожидании, пока «Бич» сделается общеизвестным фактом.

Ватсон ощутил новый укол гнева. Но Черчилль проговорился – теперь, по крайней мере, он приблизительно знает, где находится Холмс. Но где именно в Северном море? Оно было обширным.

– И разумеется, – лукаво прибавил Черчилль, – ваш друг не становится моложе или крепче.

У Ватсона перед глазами возник красный туман, когда он понял, на что намекает парламентарий.

– Хочу заверить вас, сэр, что если с Холмсом что-то случится… – Ватсон замолчал.

Черчилль увидел, как по лицу доктора промелькнули растерянность и тревога.

– Что такое? – спросил парламентарий.

Ватсон быстро подошёл к окну и, отодвинув задвижку, поднял нижнюю часть скользящей рамы:

– Это было похоже на выстрелы.

[44] *Эрнест Суинтон* (1868–1951) – офицер британской армии, военный корреспондент и автор нескольких аллегорических произведений на военную тематику.

Двенадцать

При свете тоненького серпа луны Брэдли Росс приблизился к ветхому коттеджу Джимми Оксборроу, кузнеца и по совместительству браконьера, который похвалялся, что может проникать в имение. Росс ступал осторожно, зная, что в темноте легко подвернуть лодыжку. Не было видно огней, не ощущался запах древесного дыма, но один из наиболее болтливых парней поклялся, что Джимми живёт здесь. Как выяснилось, сюда привозили пиво вёдрами, а время от времени доброжелатели делились цыплятами, и всё это исчезало. Оксборроу был дома. Но что-то испугало его в достаточной степени, чтобы он не хотел привлекать к себе внимания.

Россу пришлось остановиться, чтобы отлить. Он выпил в «Сохе» несколько пинт пива, просто чтобы поддерживать беседу. Оно было разбавленным, безвкусным и тёплым. Ужас, а не пиво, но никуда не денешься. Только после третьей пинты этой мочи новые друзья расслабились в его присутствии и принялись болтать, как будто он был одним из них.

Он застегнулся и продолжил идти по неровной тропинке к двери коттеджа. У него с собой были две бутылки «Макесона»[45], по одной в каждом кармане пиджака. Он их вытащил и позволил звонко стукнуться друг о друга – этот звук пробудил бы от самого глубокого сна любого подлинного пьяницу. Потом он постучал в дверь костяшкой пальца и прошипел:

– Джимми?

Ничего.

– Джимми? Это Брэдли Росс. Я друг Сирила. Он сказал, ты не откажешься от капли «Макесона». – «Пойло для старух», так его назвал кряжистый Сирил, но Росс об этом умолчал. – Я их просто оставлю здесь, снаружи. Возле скребка для обуви, ладно?

Он пошёл прочь, прислушиваясь, не раздастся ли со стороны коттеджа какой-нибудь звук. Слышались только ночные шумы – тихие вздохи листвы, шорохи в полях. Он прошёл по тропинке пятьдесят ярдов и остановился. Неподалёку заржала лошадь, неутомимые насекомые поскрипывали и потрескивали. Он пробрался сквозь дыру в живой изгороди, присел и закурил сигарету.

Такая поза давалась ему легко. В школе их наказывали, заставляя сидеть на корточках с руками за головой, пока в мышцах ног не начиналось колотьё и судороги. Позже такая отработанная неподвижность пригодилась, когда он учился охотиться. Росс в кои-то веки позволил себе расслабиться и почувствовал, как напряжение до некоторой степени покидает шею и плечи.

Он не сомневался, что в Элведене происходит что-то интересное. Нутром чуял. Единственной ложкой дёгтя в бочке мёда был тот молодой лейтенант, Бут. Россу не понравилось, как офицер на него смотрел в саду мисс Пиллбоди. Полкового знака различия у Бута не было, и это приводило к мысли о том, что он из разведки. Какое-то количество его соратников обязательно должны были вертеться вокруг секретного проекта таких масштабов. И они все смотрели так же. Точно полицейские. Но Бут был молокососом, а не каким-нибудь хитрым старым сыщиком. Росс был уверен, что справится с любым препятствием, какое ему может устроить лейтенант. Он начал свою книгу, «Славная битва», с описания безжалостной агрессии Германии и её варварства в Бельгии. Если Бут обыщет коттедж, ничто не укажет на то, что Росс больше заинтересован в выманивании секрета Элведена, чем в пропаганде союзников.

---

[45] *«Макесон»* – известная и в наше время британская торговая марка, под которой производится молочный стаут (разновидность тёмного пива).

Сигарета догорела до его пальцев. Он затоптал её в землю и поднялся, снова прислушиваясь к доносившимся звукам. Вдалеке раздался крик лисы, сдавленный и несчастный. Росс по собственным следам вернулся к коттеджу, стараясь держаться в тени. Он стоял у подножия вяза, в нескольких ярдах от двери коттеджа, и пялился во тьму, пока не разглядел всё как следует. Да, две бутылки молочного стаута исчезли. Джимми проглотил наживку.

Тринадцать

Не успел Койл повернуться, как первая пуля просвистела мимо его уха и выбила облачко пыли из каменной стены позади. Вспышка возникла со стороны заднего сиденья «Шелсли». Он выхватил револьвер «Смит-и-Вессон» из кобуры на поясе и дважды выстрелил в ответ, одновременно устремляясь к припаркованной машине, чтобы спрятаться за ней.

«Как они посмели?» – подумал он. Средь бела дня. В сердце города. Койл выстрелил снова, и на этот раз в ответ дважды выстрелили в него. Стрелки не отличались меткостью, но оба раза пули проходили достаточно близко, чтобы рассечь воздух со свистом, как кнут инспектора манежа. Койл рискнул окинуть взглядом улицу. Гарри был там, на тротуаре, и тоже поднимал свой пистолет. Случайные прохожие замерли на месте или попрятались в магазинчиках. Койл услышал, как вскрикнула женщина. Раздался полицейский свисток – поначалу хриплый и слабый, теперь он звучал заливисто и громко.

Койл добрался до припаркованного неподалёку «остина»[46] и присел на корточки возле него. Лобовое стекло разлетелось вдребезги, но осколки посыпались внутрь машины, не причинив вреда. У него оставалось три патрона. Он подумал о том, чтобы перезарядить револьвер, но услышал скрежет трансмиссии и рычание двигателя.

Они готовились удрать.

Койл встал и, держа «Смит-и-Вессон» обеими руками, выпустил оставшиеся пули в быстро удалявшийся автомобиль. Заднее стекло исчезло, превратившись в блистающий дождь ярких осколков, и искры полетели от корпуса, но машина продолжила ехать, почти не отклонившись от прямой. Койл не попал в водителя.

Стоит ли погнаться следом?

Нет, они идиоты. Он их засёк, они засекли его; инструкция предписывала бросать притворство и спасаться бегством. Нужно выжить, чтобы сразиться в другой день. Единственным ущербом было бы то, что Койл узнал наверняка о существовании оппонентов, – и они подтвердили его подозрения, начав пальбу. Любители.

Он перезарядил револьвер на ходу и поднял взгляд, лишь приблизившись к Гибсону.

Его напарник стоял, держа пистолет в ослабевшей руке, и смотрел на свой живот, на котором быстро распускался алый цветок.

– Ох, господи, нет. – Койл в три прыжка оказался возле Гибсона – как раз вовремя, чтобы подхватить его и не дать упасть на тротуар.

Агент из МИ-5 умер ещё до того, как его подняли наверх. Пуля задела что-то важное, и, судя по тому, как его кожа утратила цвет и померкли глаза, Ватсон понял, что произошло обширное внутреннее кровотечение. «Возможно, так лучше», – подумал доктор. Он видел слишком много медленных смертей от проникающих ранений брюшной полости за то время, что провёл на фронте. Такие ранения могли отнять жизнь быстро и легко или заставить страдать на каждом шагу по пути к окончательному забвению. Ватсон знал, что предпочёл бы сам.

Ватсон, Койл, привратник Мейсон и Черчилль – все в какой-то степени забрызганные кровью Гибсона, стояли в молчании, ожидая воскрешения Лазаря, коему не суждено было случиться.

Ватсон опасливо взглянул на Койла – лицо у ирландца было напряжённое, словно высеченное из гранита, а дышал он быстро и неглубоко. Дурной знак. Ирландец уже вычислял,

[46] *«Остин Мотор Компани» (Austin Motor Company)* – британская автомобилестроительная компания, существовавшая в период 1905–1952 гг.

как отделить свою скорбь, запечатать её на потом, и творил внутри себя тот конфликт, какой Ватсон последние шесть месяцев пытался разрешить, обучая солдат сносить невыносимое.

– Мне жаль… – начал Черчилль, нарушив тишину.

– Заткнитесь, – рявкнул Койл. – Сэр, ничего не говорите.

Ватсон видел, как Черчилль взрывался от меньших оскорблений, но парламентарий остался бесстрастным. Он повидал достаточно битв, чтобы делать послабления. Койл, возможно, удостоится одного-двух, а потом ирландцу напомнят о его месте.

– Ох, твою мать, – пробормотал Койл хриплым голосом. – Да пошло всё на хрен.

Через несколько долгих мгновений Черчилль прошёл к графинам и налил в стакан добрых три дюйма бренди. Протянул Койлу, и тот взял.

– Это ведь я должен был развалить наше партнёрство, глупый ты человек. – Ирландец поднял стакан. – Go maire sibh bhur saol nua.[47]

Бренди исчез в один миг, и Койл протянул стакан Черчиллю за новой порцией. Тот с намеренной медлительностью его взял. Ватсон видел, что ирландец испытывает терпение парламентария, обращаясь с ним как с лакеем.

Ирландец повернулся к Мейсону:

– Спуститесь обратно. После всего, что было на улице, появится полиция. Скажите им, что это было практическое занятие с боевой стрельбой. Любой ущерб оплатит Особое подразделение. Понятно?

Мейсон кивнул и ушёл, застёгивая сюртук, чтобы спрятать самые большие из кровавых пятен.

Ватсон снова посмотрел на беднягу Гибсона.

– Думаете, это я должен был лежать на его месте? – спросил он, ни к кому конкретно не обращаясь.

– Я не вижу другого объяснения, – сказал Койл. – Рискну предположить: что бы вы ни собрались сделать для нашего мистера Черчилля, есть люди, которые хотели бы, чтоб вы этого не делали.

Ватсон кивнул, пытаясь свыкнуться с мыслью, что его намеревались убить. Конечно, он раньше бывал в опасности. Все, кто отправлялся в траншеи, были на линии огня, но там, большей частью, судьба решала, кого снайпер выберет в качестве получателя драгоценной высокоскоростной пули, кому упадёт на голову снаряд, а кого газ настигнет до того, как он успеет надеть маску. Оказаться в списке смертников – совсем другое дело. Это было что-то личное. Ватсон не в первый раз пожалел, что с ним нет Холмса, который на протяжении долгого времени уклонялся от пуль полковника Морана.

Койл взял у Черчилля вторую порцию бренди:

– Кто знал, что майор Ватсон сегодня будет здесь?

Черчилль на секунду задумался.

– Руководящий комитет по этому проекту. Макфи и Уилсон из авиации ВМС и Уильям Триттон, старший инженер. Келл, разумеется. И вы двое.

– Холмс? – спросил Ватсон.

Черчилль снова подумал:

– Не конкретно о сегодняшнем дне, нет. Он знал, что вы будете участвовать. Но…

– И все они знают о вылете из Хайнолта? – перебил Койл. – Все те же самые люди?

– Кто-то знает, – подтвердил Черчилль. – Не все.

Койл надул щёки:

– Куда вы собирались везти майора?

Ватсон растерянно посмотрел на него.

---

[47] *«Go maire sibh bhur saol nua»* – ирландский свадебный тост, пожелание «наслаждаться новой жизнью».

– Мы с Гибсоном должны были оставить вас на аэродроме хайнолтской фермы, – объяснил Койл. – Там вами бы занялись люди из авиации ВМС.

И снова они, флотские, везде оставили свои следы. Но зачем реквизировать имение в Суффолке, чтобы проводить морские манёвры? Разве что там есть большое озеро. Может, в этом всё дело.

– Ну так вот, – продолжил Койл, – мы не знали пункта вашего назначения. Нам это не требовалось. По крайней мере тогда. – Ирландец обратил всё внимание на Черчилля. – Сэр, мне необходимо узнать, куда вы собирались везти майора.

– Это почему же? – с подозрением спросил Черчилль, наливая себе бренди.

– Потому что я не такой дурак, чтобы повезти вашего человека на лётное поле теперь, когда план скомпрометирован. Мы отправимся на автомобиле. Спешить не будем. И, прежде чем вы спросите: я не скажу вам маршрут или время прибытия. Вы скажете своим людям, чтобы ждали, когда мы туда приедем.

– Время поджимает, – напомнил ему Черчилль. – Вы не понимаете, какая в этом замешана политика.

Койл указал на своего погибшего коллегу:

– Я понимаю, что моего друга почему-то убили. И не рассказывайте ирландцу о том, каким грязным делом может оказаться политика. Просто объясните, куда доставить майора, прошу вас, сэр, и я привезу его туда в целости и сохранности. Остальное зависит от вас.

Черчилль колебался, и Ватсон опередил его:

– Это в Суффолке.

Парламентарий одарил доктора сердитым взглядом:

– Да. Это место под названием лес Элведен. Сельское владение лорда Айви…

Койл начал тихонько смеяться, хоть в этом звуке совсем не было радости.

– Что вас так развеселило? – спросил Черчилль, раздражённый манерами тайного агента.

– Простите, сэр. Вы сказали Айви? Думаю, я заплатил за немалый клочок той земли. – Прежде чем Ватсон озвучил очевидный вопрос, он прибавил: – Это ведь деньги Гиннесса, верно?

– Да, – подтвердил Черчилль. – И граф проявил большую щедрость.

– Ну да, он такой, – сказал Койл с очень серьёзным видом. – Великий человек, который делает хорошие дела, – вот он кто, Эдвард Гиннесс. Итак, как я уже сказал, телеграфируйте вашему человеку на месте и сообщите, что мы в пути. Я буду время от времени звонить Келлу, чтобы сообщить, что мы ещё живы.

Словно чтобы подчеркнуть смертельную угрозу, он вытащил револьвер из кобуры на поясе и проверил барабан.

– Нам бы лучше отправиться в дорогу. Я собираюсь сменить машину. «Дизи» теперь слишком бросается в глаза.

– В гараже неподалёку есть машина, которая прилагается к квартире, – предложил Черчилль. – Я её никогда не использовал, но ключи в коридоре. Это «Воксхолл».

– «Принц Генри»[48]? – с надеждой спросил Койл.

– Полагаю, да. Подойдёт?

– Весьма, – кивнул Койл. – И ещё кое-что, сэр.

– Да?

---

[48] *«Воксхолл» (Vauxhall)* – британский производитель автомобилей, в настоящее время – часть концерна «General Motors»; «Принц Генри» – модель автомобиля, которую «Воксхолл» производил в период 1911–1914 гг. Серийный «Воксхолл Принц Генри» представлял собой копию одной из трёх машин, специально созданных для автогонок 1910 г., названных «Гонками принца Генри» в честь Генриха Альберта Вильгельма, принца Прусского. Заметим, что в 1911 г. Артур Конан Дойл сам участвовал в очередных гонках.

– Я бы хотел посетить похороны. – Он посмотрел на мертвеца. – Капитан Гибсон. Королевские инженерные войска.

После смерти он должен был вернуться к старому армейскому званию. Ватсон сомневался, что у тайных агентов существует эквивалент полных армейских почестей.

– Разумеется. Я обо всём договорюсь.

– Один момент, – сказал Ватсон. – Я бы хотел узнать, почему он умер.

– Вы доктор, – заметил Койл. – Но я подозреваю, что всему причиной пуля в животе.

Но Черчилль понял вопрос. Ватсон хотел узнать, что было таким важным, таким секретным, что кто-то начал перестрелку в центральном Лондоне. Парламентарий с мрачным видом покачал головой:

– С этим к Суинтону. Я не могу…

– Тогда вам придётся обойтись без моих услуг. Правила игры некоторым образом изменились по сравнению с началом нашего разговора. – Пришла очередь Ватсона указывать на бедного Гибсона. – Я хочу узнать, за что этот человек отдал свою жизнь и, возможно, я отдам свою. И что могло оказаться таким важным, что вы заточили Шерлока Холмса в тюрьму. Если страна…

– Хватит, чёрт возьми. – Черчилль вопросительно посмотрел на Койла.

Ирландец демонстративно пожал плечами:

– О, обо мне не переживайте, сэр, чем меньше я знаю, тем лучше. Моя работа – доставить майора в поместье. Этого мне хватит с лихвой.

Черчилль нахмурился, его лицо неприятным образом сморщилось.

– Ладно, Ватсон, – сказал он наконец. – Следуйте за мной.

– Куда?

– В библиотеку.

Койл снял окровавленный пиджак и начал расстёгивать рубашку.

– А я пошлю за сменой одежды для нас обоих, майор. Нет смысла возвращаться к вам домой, да? Там могут оказаться соглядатаи.

Когда они ушли, Койл присел и взял своего друга за руку – кожа уже была неестественно холодной, и кровь на пальцах капитана быстро высыхала.

– А когда я доставлю майора, то вернусь сюда и обещаю тебе разнести этот грёбаный город по кирпичику, чтобы найти тех, кто это сделал, и потом я ублюдков распну. Ты меня понял? Но прости, если я не буду о тебе думать пару дней, потому что тогда я сделаюсь медленным, Гарри, а ты бы этого не хотел, верно? Мне нужно собрать всю свою смекалку, чтобы удостовериться, что док попадёт туда, куда должен попасть. Надо закончить работу – ты ведь и сам позаботился бы об этом, да? – Он наклонился и поцеловал Гибсона в лоб. – Но вообще-то я думаю, что мы с тобой весьма скоро увидимся на другой стороне.

Четырнадцать

Мисс Пиллбоди осторожно пробиралась по берегу, покрытому галькой, к неприветливому Северному морю, которое даже в лучах летнего солнца не отказалось от своего вечного серого цвета. У неё над головой по небу спешили небольшие облака, словно опаздывая на какую-то встречу, а чайки пронзительно выкрикивали невнятные предупреждения. Мисс Пиллбоди повернулась и помахала, прежде чем на пару дюймов приподнять юбку над уровнем лодыжки и ступить на ту часть берега, где было больше песка. Там, где пляж заканчивался, волны жадно лизали стальные опоры, на которых держались витки ржавой колючей проволоки, предназначенной для того, чтобы до берега не добрались маленькие лодки.

Бут и Росс сидели на низкой бетонной стене пулемётной позиции, где на данный момент не было ни пулемёта, ни пулемётчиков. В дюнах позади них высились две сторожевые башни, где двадцать четыре часа в сутки дежурили солдаты из Территориальных войск Восточного военного округа. Если бы немцы решили, что побережье Норфолка представляет собой удобное место, чтобы нанести удар в сердце Лондона – впрочем, это было маловероятно, – то вспомогательные войска должны были их удерживать, пока из Колчестера не прибудут подразделения, которые держали в резерве для подобных случаев.

– Скажите, лейтенант, ваши намерения по отношению к мисс Пиллбоди целиком и полностью честны? – спросил Росс, изучая экстравагантно раскрашенный камешек, который держал между большим и указательным пальцами.

Бут издал раздражённый смешок:

– Какое вам до этого дело?

– Мы, американцы, бываем прямолинейны. Нам нравится чувствовать почву под ногами. – На камешке, который он подобрал, чередовались примечательные полосы кремовых, синих и коричневых оттенков, и Росс подумал, не забрать ли его домой. – Так они честны?

Бут приподнял бровь:

– А как насчёт ваших намерений?

– Она мне очень нравится, – сказал Росс, бросая камешек обратно в общую кучу и подбирая другой.

«Мне очень нравится то, как с её помощью я проникаю в жизнь посёлка, – подумал он. – Очень нравится то, как явно моё присутствие в её компании заставляет тебя ревновать».

Бут рассмеялся:

– Слышу речи истинного сладкоречивого нахала.

– Я здесь не для того, чтобы мешать вам развлекаться, лейтенант.

– Мы об этом ещё поговорим.

– О чём?

– О том, почему вы здесь на самом деле.

Росс достал серебряную фляжку и предложил Буту. После мгновенного колебания лейтенант её взял и отпил. Затем раздался приступ хриплого кашля.

– Виски. Рановато для меня. Я рассчитывал на бренди.

Росс отсалютовал ему фляжкой и сделал глубокий глоток.

– Бренди – снотворное. А это зелье помогает встряхнуться. – Он проследил за двумя крачками, что летали в небе кругами, – их узкие крылья были необыкновенно длинными и изящными. – Итак, мы в довольно затруднительном положении, верно?

Они оба заявились к мисс Пиллбоди, чтобы пригласить её на пикник: Росс на тандеме, а Бут – в «Моррисе», который одолжил в имении. Это её развеселило и, несомненно, польстило, так что она пришла к решению, которое считала наилучшим: отправилась с обо-

ими сразу. Они приехали на побережье на автомобиле, по пути докупив провизию на рынке в Норвиче.

– О, не переживайте, – сказал Бут. – Один из нас тут ненадолго.

– Да? – Росс провёл большим пальцем по своему камешку, ощущая обточенные морем края завитка на его поверхности.

Бут сверкнул зубами в неприятной улыбке, намекавшей на некую победу, одержанную при помощи коварства.

– Я вас проверил. Вы не тот, за кого себя выдаёте.

Росс насторожился и не выдал своих эмоций.

– Вы писатель, да, но к тому же журналист.

Росс немного расслабился:

– Бывший журналист.

– Лишь с недавних пор. – Бут сделал небольшой глоток огненной жидкости и поморщился от удовольствия, когда она обожгла ему горло.

– На что вы намекаете?

– Каковы шансы того, что наёмный писака…

– Бывший писака!

– …объявится возле одного из самых секретных предприятий в этой стране?

– Разве вы можете мне такое говорить?

– Уверен, вы бывали в пабах, мистер Росс. И вы знаете, что мы сделали с мисс Пиллбоди и местными фермерами. Разумеется, это особо секретно.

Опять эта фраза.

– То есть вы не думаете, что я здесь, потому что определился с тем, на чьей я стороне, и хочу написать книгу, которая заставит Америку послать своих парней в Европу? Вы думаете, я хочу узнать, что происходит за вашими деревьями и шлагбаумами?

Бут кивнул:

– Да.

– Значит, вы собираетесь убрать меня отсюда?

Лейтенант помахал мисс Пиллбоди, которая теперь была далеко.

– В общем – да.

– Вы можете это сделать? Законным образом? С американским гражданином?

Бут поправил фуражку, лежавшую на левом бедре. Вопрос был спорным, но он не собирался в этом признаваться. Ему точно не требовалось, чтобы Росс побежал в своё посольство, крича о том, что с ним гадко обошлись.

– Говорят, мы повесили Роджера Кейсмента из-за запятой. Решение о том, можно ли применять ДОРА к изменническим действиям, совершённым за пределами Великобритании, принималось на основании маленького пунктуационного знака. Разумеется, мы позаботились о том, чтобы его истолковали правильно. В вашем случае не придётся прибегать к таким весёлым пляскам. В вашем случае речь пойдёт о шпионаже в пользу зарубежной державы.

Росс изобразил ужас:

– Но это не так. Вы на меня клевещете, молодой человек.

– Да будет вам известно, Росс, что Америка находится за рубежом.

– Возможно. Однако я не шпионю ни для неё, ни для какой-то другой державы.

Бут хмыкнул, выражая недоверие:

– Возможно, не для Америки в целом. А как быть с газетой? Бывших писак не бывает…

Ветер принёс зов. Оба подняли головы. Мисс Пиллбоди махала им с другого конца холмистого галечного пляжа.

Росс встал, стряхнул с брюк песок. Он был сердит из-за того, что получил вызов от этого молокососа. Его взгляд метнулся к мисс Пиллбоди, которая придерживала свою шляпу,

чтобы её не унесло внезапным порывом морского бриза, и платье плотно облепило её стройную фигурку. Море, такое безмятежное пару минут назад, начало демонстрировать признаки беспокойства. Тяжёлые свинцовые волны с грохотом ударялись о берег, рассыпая лавину брызг. Цвет воды тоже изменился: из серой как сталь она сделалась коричневой, более грозной.

– Если вы заставите меня уехать отсюда, что мне помешает пойти на первый же телеграфный пункт и сообщить моей бывшей газете о том, что мне достался самый большой куш в этой войне? Что в глухой провинции Суффолка британцы разрабатывают нечто особо секретное…

Бут вскочил, позабыв о фляге и сжав кулаки:

– Вы не посмеете…

– Два миллиона читателей, лейтенант Бут. Но, если бы я такое замышлял, неужели вы думаете, что я бы этого уже не сделал? Не намекнул им, что у меня крупный сюжет? Не попросил аванс? Ступайте и проверьте все местные телеграфные пункты. Обещаю, что там ничего от меня не будет. А местная телефонная станция подтвердит, что я не звонил в Америку. Честное слово, мне бы следовало надрать вам уши…

– Можете попробовать.

В этот момент голос мисс Пиллбоди донёсся до них с ветром, и оба увидели, повернувшись, как она нетерпеливо машет руками, приглашая их присоединиться к ней.

– Вероятно, момент неподходящий, – сказал Росс. – Может, отложим?

Он повернулся, чтобы уйти. Бут схватил его за рукав:

– Погодите…

Росс остановился.

– Если я узнаю, что вы связались с какой-то газетой…

– Бут, объявим передышку, ладно? Только на сегодняшний день.

Росс был уверен, что солдат должен слышать, как у него колотится сердце. В его собственных ушах оно звучало словно большой барабан. Он был очень близок к депортации. Надо было соблюдать осторожность.

– Дайте слово, что не станете обсуждать поместье или приближаться к нему, пока мы не решим, что с вами делать.

– Что делать со мной? Послушайте, Бут, я сюда явился не ради вашего проклятого поместья.

Бут подумал, не рассказать ли американцу, что он замыслил. Несколько телефонных звонков, чтобы проверить законность, – и Брэдли Росса можно будет легко упечь на тот самый остров, который они реквизировали именно для подобных целей. Там не было телефонов или каких-то других способов связаться с газетой.

– Если же вы попытаетесь, я без колебаний вас застрелю.

– Вам не придётся заходить так далеко. Обещаю, что не буду ничего вынюхивать. При одном условии. – Росс помедлил: – Когда то, чем вы занимаетесь, выплывет наружу, вы мне всё расскажете – для этой книги или другой. Поделитесь информацией из первых рук. Когда это станет достоянием общественности. Я воздам вам должное, разумеется.

Бут поколебался, потом пожал плечами:

– Если я получу разрешение.

«Ох уж это тщеславие», – подумал Росс. Он протянул руку, и Бут её принял. Потом Росс ткнул лейтенанта в плечо, и Бут попятился, выронив свою шляпу. Не успел он прийти в себя, как Росс уже бежал по камням так быстро, как только мог, направляясь к мисс Пиллбоди. Бут, который не щадил даже старших во время школьного кросса в двести ярдов, подхватил фуражку и бросился вдогонку, издав возглас, который заглушил пронзительные крики встревоженных чаек над головой.

Миссис Джорджина Грегсон стояла и смотрела на пароходный кофр, лежавший на её кушетке, несколько минут, прежде чем его открыть. Она наслаждалась предвкушением воссоединения со старыми друзьями. Она надеялась, что купленная в «Джоллис» цветистая блуза в русском крестьянском стиле будет внутри. И синяя нижняя юбка. Может, полосатое дневное платье. И какое-нибудь свежее бельё – то, что было у неё, вследствие постоянных стирок и ношения в тюрьме истончилось и сделалось шершавым.

В достаточной степени помучив себя, она расстегнула запоры на кофре и подняла крышку. Одежда внутри выглядела как крысиное гнездо – смятая, спутанная, брошенная без всякого внимания или заботы. Она прокляла болвана, которого послали в её съёмную квартиру за вещами. Это точно был мужчина. Миссис Грегсон содрогнулась при мысли о том, как какой-то немытый громила рылся в её гардеробе и шкафчиках. «Да, несомненно мужчина», – подумала она при виде клубка материи, которым оказалась её шёлковая блуза цвета слоновой кости. Женщина бы знала, что всё содержимое кофра придётся отпаривать или гладить, прежде чем что-то из этого можно будет носить.

Миссис Грегсон вытащила плиссированное чайное платье от «Фортуни» с тяжёлой кромкой, расшитой десятками стеклянных бусин.[49] Оно когда-то принадлежало её матери и по-прежнему источало её любимый ванильный аромат. Не то чтобы в нынешних условиях ощущалась нужда в чайных платьях. В ближайшем будущем миссис Грегсон не придётся совершать какие-либо светские выходы. Её оторвали от общества и уволокли в преисподнюю, где правили деспоты и закон о защите королевства.

Под платьем нашлась маленькая стопка конвертов, перевязанных красной лентой. В конвертах были письма Десмонда. Он ей так мало написал до того, как…

Миссис Грегсон в два шага пересекла комнатку от кровати до письменного стола, где схватила и зажгла сигарету. Она сказала себе, что глаза слезятся от дыма. «Не унывай, – велела она себе. – И не плачь. Твоё положение и так затруднительно, не хватало ещё полностью упасть духом».

После того как тот детектив с детским личиком её арестовал, она и впрямь провела ночь в Холлоуэй, но в одиночной камере. Оттуда её перевезли в фургоне с затемнёнными стёклами в первое из серии «безопасных и надёжных» мест. Всё это время разнообразные охранники и надзиратели обещали ей привезти одежду и сундук – в конце концов, она была задержанной, а не заключённой, – но понадобилось столько времени, чтобы тот наконец-то её догнал! И в нём было спрятано всё, что судьба ей оставила от бедного Десмонда.

Миссис Грегсон затушила наполовину выкуренную сигарету, взяла письма, отложила в сторону и принялась вытаскивать спутанные предметы одежды, разглаживать их, раскладывать на кровати, на стуле и столе, не забыв отодвинуть письмо, которое она сочиняла для майора Ватсона. Она его писала вот уже несколько недель, но знала, что это безнадёжно: у неё не было шансов добраться до почтового ящика или почтового отделения. И это ужасно разочаровывало. Имелось кое-что жизненно важное, превосходившее все приземлённые записки о Холлоуэй и ужасном полковнике Монтгомери, который на протяжении некоторого времени отвечал за неё, особо не переживая из-за того, что у задержанной всего одна пара дамских панталон. Нет, всё это не имело значения. Но, если мужчина, которого миссис Грегсон видела идущим вдоль вершины утёса, был и в самом деле тем, о ком она подумала, Ватсон, должно быть, с ума сходит от беспокойства. Она заплатила бы месячное жалованье, чтобы доставить эту информацию майору.

---

[49] *Мариано Фортунь-и-Мадрасо* – испанский дизайнер одежды, владелец собственного модельного дома. Изобрёл уникальный способ плиссировки шёлка, который так и называется – «плиссировка Фортуни». Созданные с использованием этого способа и украшенные вшитыми в боковые швы бусинами из муранского стекла длинные шёлковые платья (т. н. «дельфосы», «дельфийские платья») стали одной из легенд моды начала XX века.

Она помедлила, встряхивая одну из своих жилеток от «Смедли»[50], из шёлка и мериносовой шерсти. Может, в этом всё дело. Надо кого-то подкупить, чтобы отправить письмо. Но нет, его всё равно откроет и прочитает местный цензор. Возможно, если она всё сведёт к единственной уместной строке, никто не будет возражать. Ах, но ведь даже так возникнет сотня вопросов. И, в конце концов, что она может написать?

«Я видела мистера Холмса, и он тоже пленник ДОРА»?

Той же ночью, позже, когда за двумя вновь доставленными бутылками «Макесона», точно за манной небесной, потянулась рука, Росс был к этому готов. Он засел возле входа в коттедж Оксборроу в ожидании благоприятного случая, медленно дыша, игнорируя страстное желание закурить и предательский комариный звон над ухом. Потом, через добрых сорок минут, кое-что случилось. Не было никаких огней: Росс просто услышал тихое поскрипывание свежесмазанных петель, и деревянная дверь приоткрылась.

Росс быстро схватил запястье, которое едва мог разглядеть в слабом лунном свете, и заставил хозяина коттеджа встать. Оксборроу был помощником кузнеца, и Росс мгновенно понял, что этот человек силён – сильнее его в справедливой драке, но у американца было преимущество в виде внезапности. Не давая Джимми обрести равновесие, Росс втащил его в тёмную комнату, где они со стуком врезались в мебель.

– Тише, эй, Джимми, тише, это я, американец. Не парни из поместья. Тише. Успокойся, а не то наведёшь их на нас обоих. Успокойся!

Оксборроу прекратил сопротивляться и прошипел:

– Оставьте меня в покое.

– Я просто хочу поговорить.

– Идите к чёрту.

Росс воспользовался своим вторым преимуществом. Он стукнул громадного олуха по переносице короткой дубинкой, налитой свинцом. Джимми вскрикнул, когда в пазухах носа взорвалась боль, и поле зрения рассёк самый настоящий Млечный Путь со всеми созвездиями. Он попятился и рухнул на стул. Росс подошёл к двери, забрал обе бутылки «Макесона» и захлопнул её, выжидая, пока всхлипывания стихнут.

– Мистер Оксборроу, мне нужна ваша помощь. Я готов за неё заплатить. На эти деньги вы сможете пить год. Понимаете? Но мне нужно, чтобы вы ответили на несколько вопросов.

– Вы сломали мой грёбаный нос, – невнятно пробормотал Оксборроу.

– Нет. Это только кажется. День или около того будет такое ощущение, будто в каждой ноздре по кочану цветной капусты. Но он не сломан.

– Да кто ты такой, чёрт возьми? – Это прозвучало как «додыдакойщёртзьми».

– Я журналист. Писатель.

– Какой же писатель носит с собой «чёрного джека»?

– Очень решительный, который ездил с Рузвельтом на Кубу. – От небольшого преувеличения хуже не будет. – Итак, вы хотите пива?

Ворчание.

– Открывалка есть?

– Дайте сюда. – Оксборроу взял бутылку, зажал крышку зубами и снял, а потом выплюнул её на пол, во тьму. – Всегда ношу открывашку с собой, – проговорил он, фыркнув.

Росс подождал, пока он выпьет немного пива.

– Мистер Оксборроу, я бы хотел узнать, что с вами произошло, когда вы отправились в поместье. Прав ли я, предполагая, что вы знаете, как туда попасть?

---

[50] *«Джон Смедли» (John Smedley)* – известная английская марка, под которой до настоящего времени производится качественный трикотаж.

– А вам-то какое дело?

– До Лондона дошли слухи об ужасной несправедливости. О семьях, которые выселили из домов, о тех, кого оставили без средств к существованию… – В ответ раздалось обиженное горловое рычание. – О школах и церквях, что оказались недоступны. Как по мне, то правительство, ваше правительство, зашло слишком далеко.

– Ага. И оно моё по праву, чтоб вы знали.

– О чём вы?

– Да об этом самом, о поместье. Им владел мой дедушка.

– Ну конечно, Джимми. – Оксборроу бредил. – Мисс Пиллбоди попросила меня разобраться, проверить, что можно сделать.

– Но это же военные секреты, разве нет?

– Какие секреты?

Росс слышал сбивчивое дыхание во тьме, чувствовал, как Оксборроу размышляет, обдумывает вероятности.

– Вы же не с ними, верно? Или это проверка? Я же сказал, что ничего там не увидел. Ничегошеньки.

– Расслабься, Джимми. Я не с ними.

Оксборроу осушил бутылку до дна.

– Ещё одну? – спросил Росс.

– Валяйте.

Росс передал ему пиво:

– Вы знаете путь туда? В поместье?

Смешок:

– Ещё как знаю. – Росс поморщился от скрежета зубной эмали по металлу. – Я ж сказал, это всё моё. Знаю каждый дюйм. Мне бы стоило подать в суд на этого лорда Айви. Есть ручей… – Он замолк. – Вы чегой-то там говорили про деньги.

– Говорил. – В полумраке Росс вытащил стопку банкнот. Поддельных, но хороших. – Тут у меня пятьдесят фунтов.

– Пятьдесят фунтов? – Оксборроу протянул руку, но Росс не дал ему схватить деньги:

– Ещё нет. Итак, вы воспользовались каким-то ручьём?

– Ага. – После того как наличность магическим образом исчезла в кармане Росса, Оксборроу опять сделался угрюм.

– Можете показать на карте?

– Нету его на карте. За пятьдесят фунтов покажу. – Он тихонько рассмеялся и с булькающим звуком выпил ещё немного стаута.

– Но вас поймали.

– В другом месте. Я отправился проверить старые кроличьи силки. В лесах на юге. Там меня и сцапали.

– Но отпустили.

– Они уже собрались отправить меня в какое-то местечко, но я сказал, что ничего не видел. Так всё время повторял. Пообещал, что исчезну и ничегошеньки никому не скажу. – Он снова рассмеялся. – И к тому же те леса, где силки, не в зоне эвакуации. Не целиком. Так я сказал. И был прав, и они это знали. Так что, когда я свалил, они не очень-то беспокоились. Обыскали леса, один раз были здесь. Но теперь, признаю, меня оставили в покое. – Он хихикнул. – Но я так и не сказал им правду.

Росс подался вперёд и понизил голос:

– Чего вы им не сказали? Вы всё-таки что-то видели? В лесах?

– Ни хрена я там не видел.

Росс вспомнил, чему его учили: «Надо задавать правильные вопросы».

– Но там всё-таки что-то было?

Он разглядел, как Оксборроу кивнул лохматой головой:

– Ага, ещё как было.

Искушение снова ударить его окровавленной дубинкой было велико, но Росс сдержался:

– Что там было, Джимми?

– А десятку прибавите?

– Целый соверен.

Оксборроу буркнул что-то в знак согласия.

– Голоса. Вокруг меня. Среди деревьев. Я долго соображал, пока не понял, что они там делают.

Он выдержал паузу, и Россу пришлось справляться с желанием схватить его за горло.

– Что они делают?

– Делают невидимых людей.

– Что? – спросил Росс громче, чем рассчитывал.

– Я думаю, они собирают армию из невидимых людей.

Пятнадцать

Они молчали несколько минут, прежде чем Ватсон нарушил тишину:

– Герберт Джордж Уэллс.

– Прошу прощения, майор? – спросил Койл, рывком возвращаясь к действительности. Он вспоминал о первой встрече с Гибсоном, когда ему довелось спасти англичанину жизнь. – Вы о чём?

– Вы спрашивали, что Черчилль дал мне в библиотеке.

– Вообще-то нет, майор, – сказал Койл. – Как я уже говорил, человеку вроде меня лучше не знать слишком много. – Он глянул на Ватсона, который сидел рядом, в спортивном фаэтоне «Воксхолл». – Я топор, дубина, пика, простое оружие. Меня лучше держать в неведении.

– Что ж, я по-прежнему в растерянности, как и вы, в связи с тем, что именно они делают. Я просто не хочу, чтобы вы считали, что Черчилль водит меня за нос.

– Нас всех кто-то водит за нос, майор. Гарри говорит… – Он осёкся, вспомнив об участи, постигшей Гибсона.

Они провели ночь в доме на юге Лондона, который Койл назвал «убежищем». Хотя Ватсону не терпелось отправиться в путь, Койл настоял, что лучше провести ночь в столице.

Утром они поспорили из-за маршрута, и Ватсон добился нескольких отклонений от первоначального варианта. Цель одного заключалась в том, чтобы купить новый медицинский саквояж и приспособления. Цель другого располагалась где-то в Суссексе.

Они проехали ещё несколько минут в молчании, потом Ватсон кашлянул:

– Жаль, что так вышло с Гибсоном. Он мне нравился.

Койл просто кивнул, лицо у него было бесстрастное. Потом он проговорил:

– Это моя вина.

Ватсон опознал виноватую фазу скорби.

– Койл, это неправда.

– А-а, вы просто добрый человек, майор. Но я-то знаю. Они застигли меня врасплох. Моя работа состоит в том, чтобы никто не мог застигнуть меня врасплох. То, как они за вами пришли, выглядело попросту бессмысленным. Я же не знал, что к делу каким-то образом причастен Герберт Джордж Уэллс. – Ирландец позволил себе мимолётную улыбку. – Не переживайте, майор, я не погружаюсь в уныние из-за Гарри, ещё нет. Я ему сказал, чтобы он потерпел. Что меня на самом деле удивляет, так это ваше желание отправиться на юг, прежде чем поехать на север.

Они только что покинули лес Эшдаун и ехали с неизменной скоростью пятьдесят миль в час; колёса гудели по свежему асфальту, тревожа спокойную тишину позднего лета. Недалеко располагался Фаулкс-Рас – место, где случилась трагедия со сквайром Аддлтоном, чьё дело ещё предстояло записать и опубликовать.[51] Ватсон выкинул его из головы.

– У меня свои причины, – таинственно заметил он.

– Не сомневаюсь. Я собирался повезти вас через Колчестер, Ипсвич, Дисс и Аттлборо, чтобы въехать в Тетфорд с севера. Не с той стороны, откуда вас могли бы ожидать. Но вот это, – он указал на извивавшуюся впереди дорогу, – неожиданный путь для меня самого.

– Верно. – Ватсон посмотрел на шоссе АА, изображённое на дорожной карте, которую он купил в автомастерской в Рейгейте, отслеживая маршрут, только что описанный Койлом.

---

[51] Подробнее об этом деле можно узнать из рассказа «Преступление в Фаулкс-Расе», который входит в соавторский сборник Адриана Конан Дойла и Джона Диксона Карра «Подвиги Шерлока Холмса» (1954), представляющий собой один из первых примеров историй о Холмсе, написанных продолжателями Артура Конан Дойла. Сюжет рассказа основан на упоминании происшествия в Фаулкс-Расе в рассказе Артура Конан Дойла «Пенсне в золотой оправе» (1904).

Он казался здравым. – Но мне сначала нужно кое в чём разобраться. В том, что меня тревожит. Положитесь в этом на меня.

– Я полагаюсь, майор. Но на ночь нам снова придётся где-то остановиться, – сказал Койл, бросив взгляд на заходящее солнце. – Мы доберёмся до вашего пункта назначения до темноты, но мне бы не хотелось выезжать на дорогу ночью. Я должен видеть всё и всех вокруг нас.

– Я знаю в Суссексе одну-две гостиницы, где мы можем провести ночь. Это маленькие и анонимные места.

– Хорошо.

Они сбавили скорость, когда дорога пошла вниз и повернула, завиляв через посёлок, где были две сушильни для хмеля и несколько коттеджей, у которых на крышах не хватало черепицы. Несколько местных остановились, чтобы проводить взглядом с рычанием проехавшую мимо красивую небольшую машину с корпусом, напоминавшим рыбий хвост. Ватсон был восхищён водительскими навыками ирландца. Он никогда не путал передачи, которые самого доктора часто сбивали с толку. Койл всегда выбирал скорость правильно, не перегружая двигатель. Тормозил плавно и не теряя контроля над автомобилем, хоть и жаловался, что систему стоило бы подновить, раз двигатель такой мощный.

Машин на дороге было мало, за исключением местного сельскохозяйственного транспорта, который был, большей частью, на конной тяге, и Койл мог гнать «Воксхолл» в своё удовольствие. Ватсон редко чувствовал себя в автомобиле в такой безопасности. Было несомненно лучше по сравнению с миссис Грегсон, помощницей медсестры из добровольческого медотряда, которая была его шофёром в Бельгии. Они держали связь несколько месяцев, но после того, как она вернулась на фронт, общение прервалось. Иногда доктор обнаруживал, что ему не хватает её прямолинейного и временами язвительного отношения к жизни. Но не её вождения.

Пусть Койл и управлялся с автомобилем образцово, рессоры в «Принце Генри» были жестковаты, по меркам Ватсона. Доктор почувствовал, как проснулась боль в спине и в левом бедре. Он осторожно попытался принять более удобное положение. Ему не хотелось, чтобы ирландец решил, будто имеет дело со старым инвалидом. Впрочем, он старый, да. Ватсон это признавал. Миллионам солдат по всему земному шару было отказано в праве состариться. Не стоит сетовать на плату, которую взимает время. Но он хотел, чтобы это тело продержалось ещё несколько лет, пока не наступит мир. Может, тогда он и разыщет местечко, где проведёт свои последние дни. Может, оно окажется неподалёку от Суссекс-Даунс. Но до той поры многое предстоит сделать.

Ватсон снова нащупал в кармане журнал, который ему дал Черчилль, взяв из красивой подшивки в библиотеке. Это был «Стрэнд» за декабрь 1903 года. Политик сказал, что внутри содержится всё, что ему следует знать, и отметил страницу. Поначалу Ватсон решил, что Черчилль морочит ему голову, потому что в том же самом номере были опубликованы «Пляшущие человечки». Но Черчилль загнул уголок совсем другой страницы. У Ватсона пока что не было времени её прочитать, поскольку в Норвуде он почувствовал себя обессиленным и погрузился в глубокий сон. Он собирался наверстать упущенное, когда они остановятся этой ночью.

Койл кашлянул, чтобы привлечь внимание Ватсона:

– Не хочу показаться назойливым, майор, но мне нужно кое-что узнать. Мы собираемся навестить мистера Холмса?

Ватсон немного приподнялся на сиденье, игнорируя внезапную острую боль в бедре:

– Верно. Я пытался позвонить, но аппарат, похоже, вышел из строя. Точнее, так предположил оператор.

– А зачем вам с ним советоваться? И не может ли кто-нибудь знать, что вы запланировали к нему заехать?

Ватсон сунул в рот сигарету и предложил ещё одну Койлу, который её принял. Ватсон зажёг обе.

– Сомневаюсь, что кому-то по силам предсказать, когда я мог бы появиться у него. Мы встречаемся нерегулярно. Впрочем, моё имя навсегда связано с его именем. Мы как Суон и Эдгар или Тейт и Лайл.

– Или Бёрк и Хэр[52], – предложил Койл.

Ватсон рассмеялся:

– Ну да. Я не жду, что он будет дома, если Черчилль сказал мне правду, но собираюсь поискать улики, указывающие на его местонахождение. – Как настоял бы сам Холмс, он осмотрит место преступления – ибо таковым Ватсон считал принудительный перевод детектива в «безопасное и надёжное место». Отвратительный поступок. – По правде говоря, я беспокоюсь за Холмса.

– Почему?

– Черчилль думает, что его проект – самая главная тайна эпохи. Но это не так. Есть новость, которая, если она сделается достоянием общественности, шокирует всю страну куда больше любого способного выиграть войну устройства, какое придумали в Суффолке.

– Что же это за новость такая, майор Ватсон?

Ватсон глубоко затянулся сигаретой и выпустил струю горячего дыма, который унесло воздушным потоком, обтекающим машину.

– Шерлок Холмс теряет разум.

Как и предсказывал Койл, они достигли маленького коттеджа посреди Суссекс-Даунс до того, как умирающее солнце коснулось верхней границы леса, но всё-таки им едва удалось успеть. Полоса низких туч заслонила закатное сияние, словно вдоль горизонта протянулась алая лента. Ватсону казалось, что небеса рассекли ударом огромной сабли. Возможно, подумал он, пока они подъезжали к калитке, когда-нибудь он перестанет видеть раны войны во всём, что с ним происходит.

Койл сидел, изучая маленький дом, пока машина остывала и в двигателе с выхлопными трубами что-то постукивало и поскрипывало. Ватсон собрался было войти, но тут поперёк его груди скользнула рука.

– Один момент, майор.

Ватсон огляделся, пытаясь смотреть глазами Койла. Нет дыма из трубы. Нет огней – а в доме было темно даже в яркие дни, так что лампы всегда зажигали рано, – но к двери пришпилено письмо или какая-то записка. Уголки бумаги завернулись, словно она вот уже некоторое время пребывала под открытым небом.

– Телефон перерезали, – сказал Койл, указывая на витки провода на одном из углов коттеджа, высоко над землей. – Давайте заглянем. Держитесь за мной.

Они вышли из машины и прошли по тропинке. У входа Ватсон разглядел выцветшую строчку на записке: «Для мистера Шерлока Холмса». Койл внимательно рассмотрел записку, потом вытащил булавку, на которой она держалась, и передал Ватсону. Ещё он приложил палец к губам, нажимая на дверную ручку. Ватсон сунул письмо в карман. Для него найдётся время позже. Ирландец взмахом руки велел ему оставаться на месте и с пистолетом наготове вошёл в коттедж. Ватсон почувствовал холод изнутри. Там уже давно никого не было, и

[52] *Джордж Суон и Уильям Эдгар* – основатели британской сети магазинов «Суон и Эдгар»; *Генри Тейт и Абрам Лайл* – британские сахаропромышленники, чьи предприятия поначалу жёстко конкурировали друг с другом, но в итоге по решению наследников объединились и стали основой для существующей поныне транснациональной корпорации «Тейт и Лайл»; *Уильям Бёрк и Уильям Хэр* – преступники, совершившие в 1827–1828 гг. шестнадцать убийств.

никто не разжигал огонь в камине. Мелькнул луч карманного фонарика, и он услышал, как Койл осматривает дом, быстро и действенно.

Ирландец снова вышел наружу:

– Хорошая новость: никто из наших противников нас тут не ждёт. Плохая: вашего друга здесь нет. И худшая: дом, похоже, разграбили.

Ватсон вошёл следом за ним в гостиную, зажёг одну из масляных ламп и окинул взглядом открывшееся зрелище: немытые тарелки, горы сигаретного и трубочного пепла, неустойчивые стопки книг и журналов, остатки недоконченных экспериментов.

– Нет, отнюдь, – сказал Ватсон. – Вообще-то я бы сказал, что он прибрался.

Койл растерялся:

– В самом деле?

Ватсон кивнул:

– Холмс никогда не был самым опрятным из людей. – Он подошёл к камину и снял ветхую персидскую тапочку с крючка на выступающей части. Втянул носом воздух, ощущая едкий запах крепкого табака, потом подошёл к креслу и сел. – А теперь он кажется неспособным содержать экономку. Я через минуту сделаю нам чай.

– Вы не обеспокоены?

– Из-за Холмса? Конечно, обеспокоен. По нескольким причинам. Однако я догадываюсь, что произошло. Когда я сказал, что разум покинул Шерлока Холмса, я не имел в виду что-то окончательное. Просто время от времени у него проблемы с доступом к высшим способностям. Как будто его мозг застрял в нейтральной скорости, и он забыл, как переключать передачи. Всё началось с маленьких инцидентов: мгновения забывчивости, неспособности увидеть связь, которую в старые времена он бы заметил сразу. Что всего хуже, он понимал суть происходящего. Потому и отошёл от дел. Не хотел участвовать ни в одной из правительственных программ. У него есть репутация. Он хочет умереть с нею в целости и сохранности.

– Я это понимаю, – согласился Койл. – Мне жаль, чертовски досадно, что всё так сложилось… но вы сказали, что знаете, что с ним произошло?

Ватсон кивнул. Поначалу осознание того, что способности Холмса увядают, его ужасно расстроило, но война каким-то образом сделала это не такой уж трагедией. Все дряхлеют и умирают. Даже величайший – и единственный – в мире детектив-консультант. Теперь, думая о Холмсе, он представлял себе человека, который решил загадку знаменитого дрессировщика канареек, разобрался в смерти кардинала Тоски, в трагедии в Вудменс-Ли, где погиб капитан Питер Кэри. Это было в 1895 году. Что за год![53] Он по-прежнему чувствовал гул возбуждения от того, как дело за делом приходили к дверям дома 221 по Бейкер-стрит и вверх по лестнице, в 221-Б. Ватсон считал, что в то время детектив был на пике своих физических и ментальных способностей; он всегда мыслями возвращался к тому превосходному марочному вину «Холмс-95», когда думал о своём друге.

– Когда его мозг не работает как надо, – сказал Ватсон, – он ведёт себя странно. Звонит мне, мы беседуем как здравомыслящие люди, потом он снова звонит через час, забывая, что мы уже поговорили. Он ведёт себя очень… – Он подумал о том, сколько раз за последнее время отказывался брать трубку, когда звонил Холмс. Почувствовал, как краснеет

[53] «Никогда я не видел моего друга в таком расцвете духовных и физических сил, как в 1895 году… В этом памятном 1895 году Холмс произвел целый ряд любопытных и разнообразных исследований, начиная с выяснения причин внезапной смерти кардинала Тоски (по настоятельному желанию Ватикана) и кончая арестом преступника Уилсона: этот знаменитый тренер канареек был вместе с тем истинной язвой лондонского Ист-Энда. Вслед за этими громкими делами возникла трагедия в Вудменс-Ли: погиб при самых страшных и таинственных обстоятельствах капитан Питер Кэри». – Артур Конан Дойл, «Чёрный Питер» (пер. Н. В. Емельянниковой). Дела Тоски и Уилсона самим автором не описаны, но пробел восполнили продолжатели: Хью Эштон («The Death of Cardinal Tosca», 2013 г.) и Николас Мейер («The Canary Trainer: From the Memoirs of John H. Watson», 1993 г.).

лицо. Могло ли оказаться, что один из звонков был по этому самому делу? Мог ли Холмс обратиться к старому другу и наперснику лишь для того, чтобы получить вежливый отказ? Ватсон содрогнулся от стыда. – …Назойливо. Прежний Холмс был самым осторожным из всех людей. Тот Холмс, который у нас есть сейчас, сплетник. Он не сможет ничего удержать в секрете, даже если захочет. Подозреваю, Черчилль или его люди поняли свою ошибку и устранили его.

Ватсон теперь был уверен, что это Холмс нечаянно открыл рот по поводу мисс Мэри Калм-Сеймур, молодой леди, на которой король женился на Мальте в 1890 году и забыл развестись, прежде чем сочетаться браком с принцессой Мэй. Проницательным писакам-репортёрам, которые часто объявлялись у дверей этого самого коттеджа без приглашения, чтобы взять интервью у легенды, хватило бы одного неверного слова, чтобы истинные факты выплыли наружу.

– Думаете, кто-то попытался заткнуть ему рот?

– Да. Черчилль сказал, что тех, кому слишком многое известно, посылают в «безопасное и надёжное место». Кажется, он так выразился. Но не уточнил, куда именно. «В Северном море» – так он сказал. – Ватсон снова поднёс к носу персидскую тапочку. – Проблема в том, что Холмс знает слишком многое, но полагаться на то, что он никому ничего не скажет, больше нельзя. – Ватсон чувствовал себя предателем, просто произнося это, но считал сказанное правдой. – По крайней мере так должен был решить Черчилль.

– Выходит, Черчилль должен был сначала отправиться к Холмсу, а не к вам? Простите – получается, вы были запасным вариантом в этом деле?

– Разумеется, – сказал Ватсон незлобиво. – Мы обычно идём единым пакетом – разум Холмса и те скромные медицинские познания, какими я ещё обладаю. Думаю, как только Черчилль понял, что Холмс больше не властен над своими силами, он понадеялся, что я смогу предоставить искру первого в придачу ко второму. Боюсь, он будет жестоко разочарован. Время показало, что способности Холмса так легко не передаются.

– Значит, вы хотите узнать, куда его отправили?

– Хочу. И буду ходатайствовать о его освобождении, будь проклята ДОРА. Но разве такие дела поручают не вам? Содержание под стражей тех, кто представляет какую-нибудь угрозу для национальной безопасности?

Койл покачал головой:

– Интернирование? Нет, как правило. Этим занимаются ребята из Особого подразделения или военной полиции. Я не слышал, чтобы они посылали людей куда-то в Северное море.

Ватсон задумчиво погладил усы:

– Но вы могли бы выяснить, где это? Куда его могли забрать?

Койл кивнул:

– Возможно. Это может занять некоторое время. Гарри, он у нас… – Ирландец запнулся, подбирая нужное время глагола: – Он был тем, кто связывался с другими отделениями, занимался офисной политикой. У него акцент подходящий и всё такое. С такими как я там говорить не станут – Особое подразделение когда-то было Особым ирландским подразделением, вы же знаете.

Ватсон кивнул. Подразделение создали специально для того, чтобы бороться с фениями, которые организовывали взрывы; привязанное к стране название изменили, когда полномочия службы распространились на всех международных террористов и анархистов.

– Но вы офицер МИ-5.

– Может быть, и так. Но всё равно они неохотно вступают в разговоры ирландишками, обитателями болот. Их слова – не мои.

– Я поставлю чайник.

Но Койл жестом велел ему оставаться на месте. Ватсон безмолвно и вопросительно нахмурился. Койл беззвучно проговорил:

– Снаружи кто-то есть.

Шестнадцать

Летний вечер превратился в сумерки, которые сгустились в ночь, и стало прохладно и сыро. В воздухе ощущался дождь. Оксборроу повёл Росса по самой узкой из деревенских тропинок, через перелазы, вокруг полей, всё время вблизи от живой изгороди, направляясь на юг, а потом резко повернув на восток, к чёрной полосе деревьев, что отмечала начало запретного имения.

Браконьер говорил очень мало, лишь время от времени шёпотом предупреждал о чём-нибудь. Сделка была очень простой: Оксборроу обязался привести Росса к тому месту, откуда он смог бы перебраться в Элведен незамеченным. Далее американец отвечал за себя сам. Оксборроу не испытывал желания попасть в ту же самую мясорубку, куда его засунули головорезы, которым он попался у силков в прошлый раз. Он в тот раз даже не был на их земле. Чем бы они там ни занимались, сказал он, пусть продолжают в своё удовольствие. Он простой браконьер.

И он уж точно не хочет иметь никаких дел с невидимыми людьми.

Росса это сбивало с толку. Невидимая армия, конечно, была бы отличным преимуществом. В точности таким же, как принуждение немцев принять гигантского деревянного коня в качестве прощального подарка, прежде чем британцы отступят. Вероятность у этих двух явлений была примерно одинаковая. И всё-таки что-то явно испугало браконьера в этих местах. Когда они время от времени останавливались, Росс наклонял голову, но слышал только шорох ветра в кронах, неустанный шелест листьев и крики сов.

– Что ты имел в виду, когда сказал, что это всё твоё?

– Среднее имя моего папаши было Сингх. Он был темнокожий. Майкл Сингх Оксборроу. Потомок тех, кому эта земля принадлежала до Гиннессов. По правде говоря, нас, незаконных детишек, несколько, так что я бы не унаследовал всё. Но, думаю, немалую часть. Идёмте же.

Они продолжили путь, снова погрузившись в молчание.

– Тут темно, – пробормотал Оксборроу.

Он свернул на осевшую тропу, и ночное небо сократилось до узкой полосы над их головами, идущей между стенами боярышника и лещины. Это было похоже на одну из тех траншей, о которых Росс так много читал, но, слава богу, не видел собственными глазами.

Конец ознакомительного фрагмента.

Текст предоставлен ООО «ЛитРес».

Прочитайте эту книгу целиком, купив полную легальную версию на ЛитРес.

Безопасно оплатить книгу можно банковской картой Visa, MasterCard, Maestro, со счета мобильного телефона, с платежного терминала, в салоне МТС или Связной, через PayPal, WebMoney, Яндекс.Деньги, QIWI Кошелек, бонусными картами или другим удобным Вам способом.